
Сергей
Гончаров

**НАВЕРХУ РУШИЛИСЬ
ГОРОДА...**

*На что ты способен,
человек?*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Гончаров

Наверху рушились города...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42163282

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-10525-6

Аннотация

Для чего человеку разум? Каждый уверен, что знает ответ на этот вопрос. Но что если выбравшиеся из комы счастливики застанут конец эры человечества? После аварии Костик приходит в сознание в заброшенной больнице. Он видит, что жители мегаполиса потеряли разум и скатились до состояния приматов. В лагере выживших Костик пытается выяснить, что произошло с человечеством, находит разрозненные части загадки. Картина складывается деталь за деталью, и над лагерем нависает угроза...

Кто начнёт новую эру?

Содержит нецензурную брань.

Сергей Гончаров

Наверху рушились города...

* * *

Костя остановил автомобиль на светофоре. В открытое окно дохнул тёплый ветерок, принёсший с собой весенние запахи всеобщего пробуждения природы. Днём случился сильный дождь, а к вечеру майское солнце захватило небо и всю грело лучами соскучившихся по теплу жителей столицы. Горько пахло мокрыми тополями. Из динамиков тихо лилась музыка. С улицы Пестеля вывернул американский пикап первоконвейерной марки. От синего кузова отразился луч заходившего солнца, попал в глаза. Костик аккуратно опустил солнцезащитный козырёк. При резком открытии его крепление отваливалось.

Костя давно хотел сменить машину, но финансы не позволяли этого сделать. После переезда в Москву он переменял множество работ, начиная от курьера и заканчивая прорабом на стройке. Пару лет назад подвернулась должность переводчика с немецкого языка в небольшом издательстве. А пол года назад предложили должность литературного редактора, где ему давно хотелось себя попробовать. Теперь, когда он кому-нибудь говорил, что работает в издательстве

переводной литературы, то люди почему-то думали, что он зарабатывает если не миллиарды, то хотя бы миллионы. На деле же Константин ездил на поддержанной иномарке и постоянно её ремонтировал. Даже зло иногда брало – вместо того, чтобы просто отдохнуть, приходилось гнать эту колымагу в сервис.

Загорелся зелёный сигнал светофора. В ту же миллисекунду кто-то сзади ударил по клаксону. Костя нажал педаль газа. Бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида. Какой-то малолетний торопыга на красном спортивном авто резко ушёл влево и обогнал.

Деревья с правой стороны дороги словно соревновались в том, кто быстрее станет зелёным. По аллейке прогуливались несколько молоденьких мамаш с колясками. На одну из них Костя засмотрелся. К двадцати шести он на каком-то животном уровне начал осознавать: ему необходима семья. Понимал, что с внешностью всё нормально: рост чуть выше среднего, немного худоват, жёсткие чёрные волосы и приятная улыбка. Однако подходящей кандидатуры не находилось. Он начал всерьёз задумываться, что слишком высоко задрал планку, её не способна перепрыгнуть ни одна потенциальная невеста.

На пересечении с улицей Хачатуряна зелёный сигнал загорелся в тот момент, когда Костик почти затормозил. Он переставил ногу на педаль газа и немного нажал. Слева мелькнуло, взвизгнули тормоза, Костя увидел лицо полного чело-

века, которого бросило с заднего сиденья...

А в следующий миг осознал, что машина какая-то странно-искривлённая. Руль почему-то начал давить в грудь, а на приборной панели-то и не видно ничего, она вся раскрошилась. Да и водительская дверь с острыми углами – в бок ими тычет. Спустя секунду он понял, что попал в аварию, а следом накатила тьма.

* * *

Пётр Валерьевич просматривал отчёт своего управляющего. Когда-то он владел казино на Новом Арбате, но с тех пор законодательство сильно изменилось. Вывозить бизнес в игорные зоны он не стал. Как в последствие оказалось – и правильно. Вместо запрещённого игорного, открыл ставки на спорт. Тогда заведения подобного формата ещё были новшеством, и первые кто вложил в них деньги, хорошо на этом заработали. А то, что Пётр Валерьевич – депутат Мосгордумы... так что с того? На одну зарплату сыт не будешь.

Чёрная «Ауди» представительского класса мчалась по Ботанической улице. Когда выехали на Алтушку, то пришлось двигаться со скоростью потока – чуть выше сорока километров в час.

Пётр Валерьевич отбросил планшет. С ненавистью посмотрел на водителя соседней машины, словно именно тот виноват во всех бедах России.

– Толик, давай как-нибудь быстрее, – приказал депутат.

– Угу, – буркнул немногословный водитель.

В движении ничего не изменилось. На мосту через железнодорожные пути правую полосу заняла жёлто-красная аварийка, ремонтировавшая троллейбусные провода. Именно из-за неё и случился затор. Пётр Валерьевич с ненавистью подумал, что из-за таких уродов в Москве вечно и происходят пробки. Надо в обязательном порядке перенести абсолютно все ремонтно-восстановительные работы на тёмное время суток.

– Давай-давай, – депутат снова поторопил водителя, когда они объехали аварийку. – Сказал же: спешу!

– Угу, – буркнул Толик.

Действительно поехали быстрее. Стрелка на спидометре быстро поползла по делениям. Промчались под камерами. Мимо парка.

Пётр Валерьевич предвкушал встречу с Аллой, новой подругой. Хоть он и разменял четвёртый десяток, его мужской силе могли позавидовать многие подростки. Хватало и на подруг, и на жену. Мешал лишь избыточный вес. В последние года стала привычной трёхзначная цифра на весах. Пётр Валерьевич собрался с ней бороться: купил беговую дорожку, скакалку, гантели. Не мог лишь приступить к борьбе.

Машина свернула на улицу Хачатуряна, проехала мимо остановки, где спал забулдыга.

– Сделай чуть холоднее, – приказал Пётр Валерьевич.

Он расслабил узел галстука, оторвал мокрую рубашку от тела. Чувствовал, что начинает возбуждаться. Стоило представить Аллу, как в низу живота становилось горячо, оттуда жар распространялся на всё тело. В юности Петру Валерьевичу приходилось по пять-шесть раз в день «сбрасывать пар». Сейчас, конечно, возраст брал своё. Утром с женой, вечером с какой-нибудь из «подруг».

Толик настроил температуру климат-контроля на шестнадцать градусов, затем прибавил газу. Лично ему хотелось немедленно выйти из машины, чтобы погреться в лучах весеннего солнышка. А сделать это можно, лишь доставив босса на адрес.

Промчались мимо мечети. Чуть дальше правую полосу перегородило чудо отечественного автопрома, которое почему-то зовётся автомобилем. Выходец с южных границ России менял пробитое колесо. На светофоре с улицей Санникова ни машин, ни пешеходов. Толик начал притормаживать.

– Давай езжай! – рыкнул Пётр Валерьевич.

Толик послушно поддал газку. Зачем лишний раз злить босса?

Навстречу промчалась дорогая иномарка. Её динамики разрывались от музыки. За рулём сидел парень лет восемнадцати. Пётр Валерьевич с ужасом подумал, что и его сын ведь наверняка так же по-дурацки ведёт себя на дороге. Но эти мысли быстро забылись – их вытеснила Алла.

Светофор на Отрадной улице проскочили на зелёный сигнал. Толик вдавил педаль газа. Машина быстро набирала скорость.

– Давай-давай, – Пётр Валерьевич наклонился между сидений и посмотрел вперёд. – Езжай. Мне сегодня везде зелёный свет.

Когда стоп-линия находилась в ста метрах от капота, на светофоре загорелся жёлтый.

– Давай-давай! – почувствовал сомнения шофёра Пётр Валерьевич. – Проскочим.

Когда загорелся красный, они выехали на перекрёсток. Наперерез им тронулась серебристая иномарка. Депутат Мосгордумы предпринял попытку спрятаться за сиденье, но сильный удар кинул его грузное тело в лобовое стекло.

* * *

Костик увидел свет. Сжал пальцы в кулак и почувствовал, как вспотели ладони. Вдали маячила тонкая фигура. Она слегка пошевелилась, а затем растворилась в белоснежном сиянии. Костя попытался её позвать, но губы не слушались. Хотел последовать за ней и тоже не смог. Руки и ноги весили целую тонну. Костик глубоко вдохнул. Рядом что-то зашумело или засопело...

Костя распахнул глаза. Запоздало осознал, что не было никого света в конце тоннеля. Его голова попросту поверну-

та к окну, сквозь еле-еле приоткрытые веки он видел ресницу, которая и показалась фигурой.

А сопел он сам. Костик выплюнул трубку. Во рту остался привкус пластмассы. Наклонился над краем постели, схватился за железный поручень и несколько раз сплюнул на пол, выложенный уродливой, коричнево-голубой, плиткой. Несколько мгновений размышлял, какого ляда у него в доме такая убогая плитка?! Затем ещё раз сплюнул, пытаясь избавиться от вкуса пластмассы во рту. На локтевом сгибе левой руки неприятно покалывало. Костик вновь откинулся на подушку и увидел, что туда вставлена игла катетера.

В этот момент он и понял, что находится в больнице. Вторая койка от окна. Всего насчитал восемь. На трёх, возле противоположной стены, кто-то лежал. Сладковатый запах разложения щекотал ноздри. Костик увидел, что его капельница пуста. Вырвал иглу, опасаясь, чтобы воздух не попал в кровь. Запоздало подумал, что он бы туда уже давно попал.

Несколько мгновений вспоминал, что вообще делает в больнице. Помнил, как сдал материал в конце рабочего дня. попрощался с Николаем. Возле выхода придержал дверь доставщику воды. На парковке какой-то урод с самарскими номерами перегородил ему выезд, благо телефон под лобовым оставил.

А вот что было после, Костик не помнил. Так бывает после сильнейшей пьянки, когда очухиваешься в постели и не понимаешь, как туда попал.

Костя наклонился над краем, схватился за железный поручень, и ещё раз сплюнул тягучую слюну с привкусом пластмассы. Затем медленно сел. Его полностью раздели, простыня, которой был прикрыт, соскользнула на пол. На ногах виднелись следы от огромных синяков. На левом боку тоже различались остатки обширной гематомы.

В большое окно ярко светило солнце. Остролиственный клён заглядывал сквозь закрытые стеклопакеты. На угловой койке Костик увидел смятые простыни и наручные часы, ремешок на которых будто кто-то перегрыз.

Костик запоздало подумал, что ведь ему, скорее всего, нельзя вставать. По крайней мере, в американских фильмах всегда забегала медсестра и укладывала больного обратно на кушетку.

К Костику никто не спешил. Только теперь он понял, что в больнице тишина. Посмотрел на соседей по палате. Рядом с ними стояли медицинские приборы, их погасшие табло покрывала пыль. На глаза попалась бледная рука, кожа на ней словно обвисла. Так не могло быть у живого человека. Костик обратил внимание, что и капельницы у всех пусты. Предчувствуя плохое, поднялся на ноги. В коленях громко хрустнуло. Ноги предательски задрожали. Чтобы сохранить равновесие он схватился за металлический поручень на боку кровати.

Теперь Костик понял, что за сладковато-приторный запах витал в палате. Он лежал вместе с покойниками. В глазах од-

ного копошились черви, у другого «соседа» почернели щёки...

Костик, медленно и неуклюже переставляя ноги, зашаркал к выходу. Белая пластиковая дверь с доводчиком приближалась, как день зарплаты – медленнее медленного. Он специально не смотрел влево, на койки с трупами. Справа все простыни были сбиты, на тумбочках виднелись цветастые упаковки с печеньем, в банке без воды пылились давно засохшие цветы. Возле одной из постелей различались бурые пятна, словно кого-то рвало кровью.

Наконец Костик схватился за прохладную белую ручку и опустил её. Скрипнул доводчик. Из коридора дохнуло пылью. Костик поначалу выглянул. Слева окно, рядом видна лестница вниз. Справа коридор с закрытыми палатами, вдали тоже различалось окно.

И тишина. Ни звука, словно все вымерли.

– Э-э-эй! – протянул Костик.

Собственный голос прозвучал фальшиво, словно рояль в котором перепутали все струны.

– Эй, есть кто-нибудь! – увереннее произнёс он.

Вновь ответом стала тишина. Несколько мгновений Костик размышлял, стоит ли выходить в коридор голым. Затем отбросил всякие стеснения и сделал шаг. Идти без опоры не получалось. Щёлкнула закрывшаяся дверь.

Костя направился к лестнице. Ноги двигались с трудом, подниматься же вообще отказывались. С каждым шагом

усталость наваливалась всё сильнее и сильнее. Схватившись за перила, он несколько минут простоял. Сердце колотилось в грудной клетке, как пойманная птица, бёдра болели, руки налились тяжестью, икры ныли. Сквозь грохот в ушах Костику слышались странные звуки с нижних этажей, но за достоверность он не ручался. Медленно, держась обеими руками за перила, преодолел один межлестничный пролёт. Снова пришлось стоять и отдыхать. Как-то странно вёл себя организм. Складывалось чувство, что он провалился в отключке целую вечность.

Костик преодолел девять ступеней и оказался перед двойными пластиковыми дверьми, над которыми висела зелёная табличка «2 этаж». Следующие девять ступеней дались проще, словно ноги вспомнили, как ходить.

На первом этаже Костя увидел коридор, плавно перетекавший в просторный вестибюль. Рядом с дверьми, откуда он выглядывал, лежал перевернутый реанимационный стол-каталка. Возле одного из кресел стояла синяя спортивная сумка. Неприятно пахло чем-то химическим.

Костя, опираясь на зелёную стену, направился к сумке. Почему-то она казалась ему той вещью, рядом с которой обязательно должен находиться человек. Слева, за белой пластиковой дверью, грянуло. Костик замер. Сердце колотилось в груди, набатом отдавало в уши. На мгновение он даже засомневался в собственном слухе. Звук повторился, но теперь отчётливее. Затем что-то стеклянное покатилося, по-

звякивая краями.

– Эй, есть здесь кто? – полушёпотом произнёс Костя.

Ему мигом вспомнились все голливудские ужастики, которыми он одно время увлекался. Несколько мгновений он был уверен, что за белой пластиковой дверью притаился зомби с оборванными щеками и безумным взглядом. Он там застрял, так как не может надавить ручку. Тыкаясь от стены к стене, сбил что-то с полка...

Взгляд Костика уцепился за белую дверь. На ней вовсе нет ручки. Только врезной замок. Он почувствовал, как похолодели ноги. Вот-вот дверь раскроется и оттуда выпрыгнет какая-нибудь тварь.

Время шло, а ничего не происходило. Костик немного успокоился и понял, что чуть не испугался собственной тени. Наверняка всему произошедшему есть более правдивое объяснение, нежели вирус зомби, выкосивший человечество.

Костик кое-как доплёлся к вестибюлю. За регистрационной стойкой обнаружил белый халат с бейджем «Храмова Елена», женские туфли и два разряженных мобильника. Несколько стационарных телефонов ответили тишиной, сколько Костя ни жал на их рычажки.

Вот теперь ему стало по-настоящему страшно. Редактор покосился на дверь, за которой слышал погрюкивание. Затем подхватил халат и выбежал на улицу. Солнце приятно грело кожу. Свежий воздух опьянил. Он казался настолько

чистым и первозданным, будто Костик каким-то чудом переместился в горы. Сильно пахло хвоей. Возле входа росла голубая ель, её аромат наполнял лёгкие. Не могло быть такого воздуха в загаженной Москве.

Костик натянул халат. Тот оказался маленьким и чуть не порвался на спине. Но основную свою функцию – прикрытие срама – всё же выполнил. Костя застегнул нижние пуговицы, верхние не сходились. Оглянулся, не гонится ли за ним выбравшийся мертвец. Вестибюль пустовал. Лишь у кресла одиноко стояла синяя спортивная сумка.

От входа дорога уводила к воротам, перекрытым бело-красным шлагбаумом. Дверь в металлическую будку охранников настежь распахнута, во мраке виднелся стол и маленький телевизор.

В двух местах дорогу перегораживали жёлтые бетонные блоки с красными полосками. Простой, как кирпич, и надёжный, как смерть, способ обезопасить территорию от бестолковых лихачей. Возле одного из блоков валялась женская сумка и детская зелёная бейсболка. Вдали каркала ворона, изредка ей отвечала товарка.

Костик спустился по низким ступеням. Обернулся на дверь и увидел, как в вестибюле от стены к стене мелькнула тень. Костя, напрягая последние силы, зашагал к выходу с территории больницы. В глазах поплыло, будто выпил бутылку водки. Ноги налились тяжестью. Когда проходил мимо первого бетонного блока, возникло непреодолимое жела-

ние сесть и отдохнуть. Костик оглянулся на двери больницы. Никого. Тогда он опустил пятую точку на холодный бетон и почувствовал, как в ногах разлилась приятная истома. При солнечном свете ноги выглядели худыми и будто чужими. Костя потянулся к валявшейся женской сумочке. Боковым зрением увидел движение. Повернувшись, заметил, что из окна первого этажа выпрыгнул голый человек. По дорожке вдоль стены, он припустил к углу здания. Его сильное и загорелое тело несколько раз мелькнуло между разросшихся и неухоженных бело-розовых кустов спиреи. Добравшись к углу, чумазый мужчина с отросшими чёрными волосами бросил быстрый взгляд на Костика и скрылся.

Костя замер с открытым ртом – боялся поверить в то, что видел.

– Да я сплю! – непроизвольно вырвалось у него.

Он больно себя ущипнул – вроде так всегда проверяют состояние бодрствования. Где-то далеко-далеко залаяла собака. Этот одинокий звук в некогда шумной Москве вывел Костю из ступора. Щемящая тоска уцепилась за сердце. Захотелось взыть от отчаяния. Это в фильмах хорошо смотреть, как главный герой выжил после апокалипсиса и сражается за собственную жизнь. А когда сам оказываешься в подобной ситуации, сражаться не хочется. Костик чувствовал дикую усталость, словно осилил марафонский забег. Обернулся и посмотрел на угол здания, где скрылся обнажённый человек. Затем потянулся к сумке и поднял её. Внутри звяк-

нуло. Костя расстегнул молнию и обнаружил две крохотные бутылочки с надписями на французском. Наверняка кто-то нёс дорогое иностранное лекарство для своего родственника. Нёс, да не донёс... Костик задержал взгляд на детской зелёной бейсболке. Что же могло произойти с Москвой?

Он надеялся, что какое-нибудь ЧП случилось только в Москве. Скоро приедут спасатели и наведут порядок. Его определят в другую больницу... Эти мысли показались детскими и несерьёзными. Какое ЧП могло произойти в Москве, чтобы по улице бегал обнажённый мужчина?

Костик обернулся, отчего-то показалось, что к нему подкрадывается тварь с клешнями и парой щупалец, готовая растерзать и сожрать хрупкое человеческое тело.

Но в округе, естественно, никого. Он наклонился и высыпал содержимое сумочки на асфальт. Обнаружил разряженный мобильник, тонну косметики, зажигалку, перцовый баллончик, какие-то бумажки, скрепки, паспорт.

Собака смолкла. Вновь на Москву навалилась тягостная и липкая тишина. Костик отбросил сумку. Усталость сковала мышцы. Губы пересохли. Медленно поднявшись на ноги, посмотрел на будку охранников. Стальная дверь, маленькое зарешёченное окошко. Внутри виднелась кушетка, застеленная серым клетчатым одеялом. Костик из последних сил направился к будке. Слева за высоким чёрным забором стояли автомобили. У одного из них, дорогого джипа, спущено колесо. У другого распахнута водительская дверь.

Лёгкий ветерок донёс запах гари. Снова залаяла собака, но теперь отрывисто и надсадно. Через минуту она вновь умолкла. За это время Костик доковылял к будке охранников. Выглянул на проезжую часть. С каждой минутой самые худшие опасения об уничтожении человечества подтверждались. Напротив – красный глухой забор. На обочине много припаркованных машин. Ни одна из них не тронута, словно и не осталось после случившейся трагедии мародёров. Несколько автомобилей брошены посреди проезжей части. Их двери распахнуты, у одного выбито пассажирское стекло. Костик вышел на тротуар. Влево уходила широкая улица. На ней застыл белый микроавтобус.

Костик вернулся к будке охранников. Для начала осторожно заглянул. Никого, а на слое пыли виднелись следы кошачьих лап. Костя вошёл и закрыл дверь, немного подумал и задвинул массивный засов. Заглянул под стол, затем в ящик, посмотрел за спинку кушетки и, наконец, нашёл. Бутылка покрылась пылью, вода завонялась, но Костик всё равно выпил её до последней капли. Он чувствовал, как жидкость прошла по пищеводу, добралась к желудку и тот призывно заурчал. Костик поставил бутылку на стол. Навалилась усталость, в икрах начало покалывать, нестерпимо захотелось присесть. Костя опустился на кушетку. Затем прилёг. Колючее одеяло пахло пылью, но кушетка казалась такой мягкой...

Костя проснулся от странного шороха. Он лежал на кушетке точно в той же позе, только за маленьким зарешёченным окном уже ночь. В свете луны мелькнула тень. Вновь донёсся тихий шорох. Костик вытащил из-под груди затёкшую руку. Пошевелил пальцами, затем кистью, разгоняя кровь. По венам пробежали колики.

Под окном зашуршало с такой интенсивностью, будто кто-то рвал пакет. Костик медленно поднялся. Едва слышно скрипнули пружины. Этого звука оказалось достаточно, чтобы невидимый шуршун замолчал. Костя замер, прислушиваясь. Несколько мгновений стояла тишина. Затем окошко перегородил силуэт. Вскоре Костик различил длинные волосы, блеск глаз и с удивлением понял, что на него смотрит молодая женщина. В её зубах он различил окровавленную тушку крысы. Видимо и женщина разглядела закрывшегося в будке человека. Она резво нырнула под шлагбаум и, шлёпая босыми ногами, понеслась вдоль забора. Костик подскокил к окну, пытаясь рассмотреть ещё что-нибудь. Возникло желание выйти на улицу, но он его тут же отмёл. Сюрреализм происходящего вызывал острое чувство абсолютного бреда. Костик не верил в увиденное. Ещё раз себя ущипнул. Теперь ногтями. На коже осталась кровавая отметина.

Издали донёсся протяжный вой, постепенно превратив-

шийся в рык. Костя мог поклясться, что эти звуки издавало человеческое горло. От усталости, сковавшей мышцы, хотелось и самому завывать. Он опустил на кушетку и закрыл лицо руками.

– Не может этого быть! – пробормотал он. – Не может! Я в аду! Или... или... – не мог придумать он.

На ад окружающая Москва мало походила. Тишину разорвал резкий хлопок. Послышался звон разбившегося стекла. Где-то неподалёку стреляли, но идти туда Костику отчего-то не хотелось. Да и чувствовал, что всё равно не доберётся. Тело изнывало от физических нагрузок, которым он его подверг. Костя снова лёг на кушетку, уткнулся лицом в пыльное одеяло. Мышцы казались сделанными из бумаги. Ещё хоть чуточку напряги и разорвутся. Внезапно осознал, что у него появилось новое чувство – голод. В памяти всплыло лицо женщины и зажатая в зубах окровавленная крыса...

Вдруг женщина шархнула от окошка. Вскоре дверь раскрылась и она вошла в будку охранников. Костик лежал на кушетке и понимал, что это сон. Женщина лёгким движением переломила крысу на две части и протянула заднюю. Он с отвращением принял угощение, кишки выпали на ладонь, кровь стекала на пол. В тот же миг Костик понял, что женщина дала сочный кусок шашлыка из свинины, а на пол капает жир. Он вгрызся в кусок. Увидел, что женщина улыбается. Мимолётно подумал, что она красива. Может это её бэйдж «Храмова Елена»? В ту же секунду стало стыдно, что

он перед ней в таком наряде. Попытался засунуть голые и волосатые ноги под кушетку. Женщина шире улыбнулась, а потом странно зарычала. Костик смотрел на визитёршу и не мог понять, как она умудряется издавать такие неестественные для человеческого речевого аппарата звуки.

Костик распахнул глаза. Через окошко падали первые утренние лучи. Рычание действительно имело место, только издавала его не девушка из сна, а самый обычный двигатель, который мог стоять на любом грузовике. Звук приближался.

Костя хотел вскочить, но обессиленное тело противилось. На губах остался быстроисчезающий привкус шашлыка из сна. С трудом получилось приподняться на руках и выглянуть в окошко. На улице по-прежнему стояли брошенные машины. Звук двигателя приближался. Костик понимал, что надо выйти из будки охранников на дорогу. Попытался встать на ноги, но те ответили болью в икрах и бёдрах, словно накануне он пробежал сорок километров. Руки висели плетьюми. Костик не мог заставить себя сделать волевой рывок и подняться. Хотелось лечь на пропитавшееся пылью серое покрывало, закрыть глаза и обо всём забыть.

А ещё хотелось шашлыка. Костик облизал пересохшим языком губы, но привкус уже пропал. Превозмогая себя, поднялся на ноги. Сразу же пришлось опереться на стол. Колени тряслись. Костик понимал, что, скорее всего, это его последний шанс выжить. Почему-то был уверен: люди, передвигавшиеся на грузовике, помогут. О том, что это могут быть мар-

гинальные элементы, постарался даже не вспоминать. Ему уже стало без разницы. Его или убьют, или он попросту сгниёт в этой каморке охранников.

Звук мотора приблизился, уже отчётливо различался его надсадный рык, когда водитель нажимал гашетку. Костик подошёл к двери, потянул массивный засов. Он точно помнил, что вчера с лёгкостью его закрыл. Сегодня же это примитивное устройство показалось таким тяжёлым, словно весило с десяток килограмм. Кое-как Костик справился с дверью. Утренняя свежесть московского воздуха опьянила. Пахло мокрым асфальтом – ночью прошёл небольшой дождик. Рык двигателя раздавался уже совсем рядом. Костик оперся на ребристую металлическую стену домика охранников. Он видел отрезок дороги. Понимал, что надо нырнуть под шлагбаум и выйти на проезжую часть, но чувствовал, что не сможет этого сделать. Ему казалось, что стоит потерять опору, как сразу завалится на мокрый асфальт и уже никогда не встанет.

К шлагбауму подъехал покрашенный в серый цвет вездеход «Урал». Вдоль его укреплённого кунга шла синяя полоса с белой надписью «ОМОН». Грузовик немного притормозил, а после с сочным хрустом сломал красно-белый шлагбаум. Костик хотел что-нибудь крикнуть, взмахнул рукой, но не удержался и грохнулся на асфальт, прямо под колёса автомобиля. Больно ударился лбом, свёз левую ладонь и оба колена. Увидел, что к голове приближалось большое коле-

со. Костик наблюдал за мелькавшим рисунком протектора и думал, что ещё мгновение, и эта резиновая громадина наедет ему на череп, размажет мозг по мокрому после дождя асфальту. У него настолько не осталось сил, что он даже бороться уже не мог.

«Смерть, так смерть – отстранённо подумал Костя, словно о ком-то незнакомом. – Всё равно когда-нибудь погибать».

Он закрыл глаза и приготовился к всепоглощающей боли. Успокаивало лишь то, что она не будет долгой. А потом наступит вечный и блаженный покой.

Скрипнули тормоза. Полицейская машина остановилась, не доехав до головы Костика чуть менее метра. Открылась одна дверь. Затем другая. Костик распахнул глаза и смотрел на протектор, не понимая, отчего машина остановилась. А ещё саднило колено и в голове, после удара об асфальт, поселилась ноющая боль.

– Ну, нахрен! – услышал он грубый мужской голос. – Наш?

– Наш, – в тон ему ответила женщина. – Видишь же в халате. Вытаскивай его, только аккуратнее.

Костик почувствовал, что его потянули за правую ногу. Со злостью подумал, что если это «аккуратно», то он тогда «Храмова Елена». Как и написано на бейдже, который так и не снял. Отчего-то стало стыдно представать перед людьми в коротком женском халате. Он больно тиранулся щекой об асфальт, а в следующий миг сильные руки перевернули его на спину. В глаза ударил солнечный свет. Костик произволь-

но зажмурился. Вскоре солнце загорела женщина лет сорока с редкими русыми волосами. В её добрых зелёных глазах Костик заметил озабоченность и участие. Над ней возвышался крепкий здоровяк в летней военной форме без знаков различия. У него отсутствовала левая рука по самое плечо.

– Ты как? – спросила женщина.

Вопрос поставил Костика в тупик. Он понятия не имел, что ответить. Сказать «Нормально»? Или «Фигово»?

– Что происходит? – выдавил Костя.

Здоровяк усмехнулся.

– Происходит, нахрен, полная хрень! – весело сказал он. – Я бы даже сказал полнейшая! Такая хрень, какой ещё никто, нахрен, не видывал. И тебе, между прочим, в этой хрени очень повезло! Охренеть как повезло! – хохотнул над собственной шуткой.

– Ты из больницы? – указала женщина в сторону, откуда пришёл Костик.

– Да, – на выдохе произнёс он.

– Есть там ещё кто-нибудь?

– Не знаю, – Костик почувствовал, как закрываются глаза. – Трупы есть. И ещё какой-то голый мужик бегает.

Здоровяк снова хохотнул.

– Охрененная новость! Голый мужик, мать его, бегает! Я такой охрененной...

– Берём его и потащили, – перебила женщина.

Костик почувствовал, как его подняли, немного пронес-

ли. После заволокли в кунг. Внутри пахло потом и лекарствами. Костя открыл глаза и осмотрелся. Его положили на длинное переднее сиденье. Помимо него, ещё несколько спаренных сидений располагались возле задней двери и несколько вдоль бортов. Остальные демонтированы, вместо них пространство кунга занимали коробки, сумки, непонятные приборы. Лежать на прохладном кожаном сиденье оказалось приятно. Сквозь затянутые толстой сеткой окна скупо падало утреннее солнце.

– Не беспокойся, – присела женщина рядом. – Ты будешь жить. Мы тебе поможем.

– Спасибо, – произнёс Костик.

Двигатель взрыкнул и машина тронулась. Завоняло перегретым сцеплением. Костя подумал, что и на его автомобиле была такая же беда. Он заглянул в зелёные глаза женщины. Столько в них мерещилось теплоты и заботы, что хотелось раствориться в этом взгляде. Костя улыбнулся, да так и уснул с этой улыбкой на губах.

* * *

Снилось, что он в деревне.

Старый дом давно покосился и ему, если честно, страшно в нём жить. Но мама не разрешает оставаться в городе одному. Поэтому каждое лето они уезжают на месяц к бабушке. Костик любит проводить время на высоком дереве, которое

растёт, по факту, у соседей, но толстыми ветвями забралось на участок к бабушке. С верхних ветвей Костик видит маму, работающую в огромном, по детским меркам, огороде. Видит бабушку, хозяйничающую на скотном дворе. Прямо под деревом с гордым видом расхаживает соседский петух. Тогда Костик ещё не знал, что это последнее счастливое лето в его жизни. Вновь пришло осознание, что перед глазами всего лишь сон. Такая накатила тоска и отчаяние, что захотелось выть. Костик зажмурился и заплакал. Бабушку он больше не видел. В её дом, на тракторе, въехал местный мужик. Любой другой дом бы выдержал такой удар, но бабушкин развалился и погрёб её. А у мамы в феврале обнаружили рак. В июне она умерла.

Слёзы текли по щекам. Костик чувствовал, что плачет. Открыл глаза, чтобы ещё раз вернуться в детство, вспомнить, как сидел на дереве и наблюдал за родственниками, но обнаружил, что лежит в просторной комнате, где на потолке наклеены обои с розовыми цветочками.

В первый миг ему показалось, что произошедшее в больнице – всего лишь сон. Разве могло быть иначе? Он потянулся вытереть слёзы и почувствовал под кожей, в районе локтя, инородный предмет. Сразу посмотрел за голову и увидел капельницу. На этот раз пустую лишь наполовину. Рядом на койке кто-то лежал. Костик видел небритую щеку, клочок седых волос. Из рта человека выходила тонкая трубка.

Костик закрыл глаза и глубоко задышал. Тоска постепен-

но отступала. Обострённые сном чувства притуплялись.

Где-то далеко послышались голоса. Затем донёлся залихватистый женский смех.

– Приснится же, – пробормотал Костик.

Теперь он полностью уверился в том, что по непонятной причине попал в больницу. Но только никакого апокалипсиса не случилось. Это ему попросту приснилось: и голый мужик, выпрыгнувший из окна; и девушка с крысой во рту; и полицейский грузовик; и женщина с добрыми зелёными глазами.

Костик приподнялся на левом локте и осмотрелся. В палате находилось шесть кроватей. Две из них пустовали. Он лежал в углу, возле выхода. Большое окно заслоняло приземистое дерево. На улице светло, но утро, вечер или день, Костик определить не сумел.

– Очнулся? – услышал дряблый голос.

В первую секунду Костик не смог найти его обладателя. Затем обнаружил. В углу, в кресле возле окна, сидел старик с книжкой. Штанины на его новеньких брюках неумело подшиты толстыми коричневыми нитками. Видать сам рукодельничал. Мятая малиновая шведка местами сильно топорщилась из-под ремня. На ногах дешёвые резиновые сланцы. Старик отложил книгу. «История XX века» – успел прочесть Костик на обложке.

– Вроде как очнулся, – ответил он неуверенно.

Удерживать вес туловища на одном локте показалось тя-

жело, и Костя снова прилёг. Услышал, как скрипнуло кресло. С кряхтением старик поднялся. Прошаркал к двери.

– Сейчас позову, – сказал он перед тем, как покинуть палату.

Костя лежал и пытался вспомнить, из-за чего очутился в больнице. Дверь открылась, в палату вошла женщина с добрыми зелёными глазами. Костик почувствовал, как на несколько мгновений прекратило биться сердце.

– Не рад меня видеть? – она нависла над пациентом. Пощупала ему лоб, проверила приборы в изголовье.

Костя смотрел на её редкие волосы, на новенький белый халат, на цепочку, видневшуюся на шее, и не мог сам для себя ответить, рад или нет.

– Где я? – задал вопрос, показавшийся резонным, если учитывать, что предпоследнее его воспоминание о том, как выезжал с рабочей парковки.

– В безопасности, – женщина что-то внимательно изучала на мониторе. – Скоро будешь как огурчик.

– А в безопасности это где? – Костя внимательно наблюдал за её мимикой. – Какая больница?

Женщина немного замешкалась, пытаясь за деятельностью скрыть неловкость. Пощёлкала тумблеры на непонятном устройстве, немного прижала регулировочный зажим на капельнице.

– Это не больница, – наконец сказала она. – Отдохни. Завтра начнём с тобой лечебную физкультуру.

– Послушайте... – начал Костик.

– Отдохни, – настойчиво повторила женщина и положила ему прохладную ладонь на лоб. Это движение неожиданно возымело успокаивающий эффект. Костя даже закрыл глаза от удовольствия.

Скрипнула дверь. В палату вернулся старик. Прошёл к своему креслу и с кряхтением уселся. Взял учебник истории, но тот выпал из старческих непослушных пальцев. Звонко шлёпнулся обложкой на линолеум. Тогда он нагнулся и поднял книгу. Быстро нашёл необходимую страницу и вернулся к чтению. Костик заметил, что старик принялся читать без очков, хотя на вид ему около семидесяти.

Глаза начали слипаться. Женщина стояла рядом и по-прежнему держала прохладную ладонь на лбу.

– Что хоть произошло? – заплетающимся языком поинтересовался Костя.

– Не знаю, – со вздохом призналась женщина. – И никто не знает, – добавила чуть тише.

* * *

Ночью умер один из соседей по палате. Костя проснулся от противного писка. Поначалу, сквозь сон, ему показалась, что рядом с кроватью пищит большущая мышь. В следующий миг Костик выбрался из объятий Морфея и понял, что разрывается один из приборов возле противоположной сте-

ны. Помимо писка он ещё и мигал, как новогодняя ёлка. В кресле встрепенулся старик, книга соскользнула с его колен и вновь шлёпнулась на линолеум. Он достаточно прытко, для своего возраста, вскочил и бросился к двери. Впотьмах да спросони не сразу нащупал ручку. Костик услышал его удаляющиеся шаркающие шаги.

Вскоре в палату заскочила женщина с зелёными глазами. Она щёлкнула выключателем, комнату залил яркий белый свет люминесцентных ламп. Её короткие русые волосы всклокочены, на заспанном лице отпечатался след от подушки. Под наспех запахнутым халатом мелькнуло обнажённое тело. Костик с сонным равнодушием подумал, что неплохо бы узнать её имя. А ещё сказать, что у неё красивые глаза. В полусонном состоянии он наблюдал, как женщина и старик совершали какие-то манипуляции рядом с телом. Вроде делали непрямой массаж сердца, искусственное дыхание. Потом кто-то из них, наконец, отключил противное пицание и Костик уснул. Сквозь сон чувствовал, что чуть позже и возле него совершали какие-то манипуляции: пискнул прибор в изголовье, вытащили иглу из вены, грякнуло судно.

* * *

Утром койка возле противоположной стены оказалась пуста. На смятых простынях остался отпечаток человеческого тела и пота. Костик лежал, смотрел на пустующую койку, а

в голове крутились невесёлые мысли, о том, что всё, совершённое тобой абсолютно бессмысленно. Когда-нибудь, обязательно, и тебя попытаются спасти и не смогут. Мир продолжит жить, будто и не было тебя никогда. Причём неважно, какой ты занимал пост, сколько у тебя денег, сколько ты совершил добра, или даже зла. Миру на всё это глубоко плевать.

Костик чуть повернул голову и обнаружил на прикроватной тумбочке сложенную пижаму в чёрно-синюю полоску. Старика в кресле не оказалось. Костик поднялся. Кровь отхлынула от головы, перед глазами ненадолго почернело. Он немного посидел на кровати. Пошевелил пальцами на ногах. Худые бёдра показались смешными. Из открытого окна доносилось многоголосое чирикание воробьёв. Пахло лесом.

Вначале Костик натянул футболку. Ткань приятно прилегалась к телу. Затем опустил ноги на прохладный линолеум. Опираясь копчиком на кушетку, надел штаны. Заодно разглядел человека на соседней койке. Мужчина лет пятидесяти с правильными чертами лица и копной седых волос.

Костик сел на койке. Собрался лечь, когда скрипнула дверь. В палату, с подносом, вошёл старик. Сегодня он выглядел бодро, словно и не было ночью пробуждения. Костя ещё раз взглянул на пустую койку.

– Ешь, задохлик, – старик поставил поднос рядом с Костиком. – Вкусно, – похвалил он. – Сам только что уплёл три таких миски.

На маленьком красном подносе стояла тарелка с супом. Завёрнутая в салфетку лежала ложка. Одурманивающий запах опьянил. Только теперь Костя понял, насколько голоден. Хотелось схватить тарелку и залпом осушить. Он даже попытался так сделать, но старик придержал его руки.

– Не спеши, торопыга, – усмехнулся он. – Никто у тебя не заберёт. Надо – ещё принесу, только не устраивай мне дополнительной работы, не заставляй после твоей жрачки убирать здесь всё.

Костик почувствовал, что краснеет. Взялся за поднос, примостил его на колени. Развернул ложку, салфетку отложил на край подноса. Старик уселся в кресло. Взял учебник истории, но открывать не спешил. Наблюдал за Кости́ком.

Суп оказался божественным. Через пять минут пустая тарелка стояла на подносе. Костя вытер рот салфеткой. Сквозь тонкую бумагу почувствовал ошутимо отросшую бороду.

– Ни фиги себе! – пощупал собственный подбородок и шею. В шелковистых волосах ладонь утопала, усы щекотали нос. Бывший редактор никогда не отращивал себе такой растительности на лице.

– А ты думал столько валяться?! – хмыкнул старик. – Тебя как звать-то, дикобраз?

– Константин.

– А меня можешь Фёдорычем называть. Меня здесь все так кличут, – произнёс старик с какой-то гордостью.

– А «здесь» это где? – Костик погладил заурчавший жи-

вот. Блаженное тепло разлилось по телу. Во рту осталось приятное послевкусие.

– В Бору. Сосновом.

– А разве в Сосновом Бору есть больница? – Костик поднял левую бровь.

– А мы и не в больнице, а в лагере выживших.

– А можно с этого места поподробнее?

После еды новости подобного толка показались не такими и страшными. Так всегда, когда ты сыт, а за окном не стреляют, то кажется, что все сыты и счастливы.

– Поподробнее с тобой Пётр Валерьевич поговорит. Он здесь со всеми очнувшимися проводит... как бы это сказать... вступительную беседу. Назначает место, фронт работ. В общем, он тут главный.

– Скажите мне, хоть что произошло, – попросил Костик.

– А я почём знаю? – пожал плечами Фёдорыч. – Ляг, полежи. Сил наберись. Скоро они тебе понадобятся.

Костик хотел сказать, что его пугают заявления подобного рода, но в последний момент передумал. Он переставил поднос на пустую прикроватную тумбочку и, по совету старика, лёг. Смотрел в потолок, оклеенный обоями с розовыми цветочками, и ни о чём не думал.

Сколько прошло времени, он бы не решился сказать. Скрипнула дверь и в комнату вошла женщина с зелёными глазами, под которыми сегодня набухли мешки. Она в первую очередь подошла к очнувшемуся пациенту.

– Привет, – устало улыбнулась.

– Доброе утро, – посмотрел на неё Костик. Вспомнил, что хотел узнать её имя. – А как вас зовут?

– Марина. И можно на «ты».

– Хорошо, – Костя смотрел в её зелёные глаза и не мог оторваться. Даже неловко стало. Он никогда не видел такой красивой радужки. Казалось, она сделана из самого дорогого изумруда.

– Идти сможешь? – Марина приложила прохладную ладонь к его лбу.

– Не знаю, – честно признался Костик. – Судя по тому, что вы меня нашли...

Он замолчал. А действительно ли его нашли или это всё ему приснилось?

– Ладно, давай попробуем, – сказала Марина.

Она помогла ему подняться. На ногах он стоял более-менее уверенно, даже первые три шага сделал сам, затем почувствовал, что колени начали подгибаться. Марина подставила плечо.

– А можно побриться? – Костик посмотрел в её изумрудные глаза. – Мешает очень, – провёл по шее и подбородку.

– Я думаю, что даже нужно, – сказала Марина.

Фёдорыч отложил книжку и наблюдал за первыми шагами очнувшегося пациента. Когда они вышли, снова углубился в чтение.

В коротком коридоре расположились три двери и одно

большое окно, от пола до потолка. За ним виднелся ряд аккуратных деревьев и кусочек красивого голубого неба. Марина провела Костика к однопролётной лестнице, спрятавшейся в тёмной нише. Помогла спуститься на первый этаж. Теперь Костик уверился, что находится не в больнице. В просторной гостиной висел огромный плазменный телевизор с панорамным экраном, на полу лежала шкура белого медведя, одна из стен была стеклянной. За домом раскинулся сад с дорожками, выложенными цветным гравием. В одном из белых кресел, рядом с вычищенным камином, сидел мужчина лет сорока в дорогом синем костюме. Его кожа на шее и щеках пообвисла, словно совсем недавно он был тяжелее килограмм на тридцать.

Марина подвела Костика к противоположному креслу и помогла в него опуститься.

– Я пойду, – робко произнесла она, обращаясь к мужчине. – У меня там дела...

– Конечно-конечно, – кивнул тот.

Марина как-то слишком поспешно ушла. Костик тоже не отказался бы скрыться от колючего взгляда, направленного ему в лицо. Несколько минут прошло в абсолютной тишине. Где-то неподалёку застучал молоток.

– Рад приветствовать на этом свете. Меня зовут Пётр Валерьевич Власов, – представился мужчина. – В прошлом я депутат Московской думы, ну а сейчас... директор лагеря выживших. Если можно так выразиться.

– Константин. Назаров, – в свою очередь представился Костя. Хотел подняться и протянуть руку, как полагается у мужчин, но собеседник ни одним движением не намекнул, что желает соблюсти ритуал.

– Хорошо, Константин, – кивнул Власов. – Теперь скажи мне, пожалуйста, что ты знаешь.

– О чём?

– О том, что произошло.

– Ничего. Я даже не понимаю, где нахожусь и почему я здесь.

– Понятно, – разочарованно произнёс Пётр Валерьевич.

Он несколько мгновений молчал и смотрел в пол, словно собирался с мыслями.

– Попытаюсь объяснить, – наконец сказал он. – Пока ты находился в коме, в мире произошло что-то страшное, – Пётр Валерьевич сцепил руки в замок и поиграл большими пальцами, наблюдал, какую реакцию произвели его слова.

Костик остался сидеть с каменным выражением. Перед глазами появилось женское лицо с окровавленной крысой в зубах. После такого зрелища даже сторонник эволюции поверит в теорию божественного начала.

– Мира, каким ты его знаешь, больше не существует. Скорее всего не выжили твои родственники и друзья... Всех кого ты знаешь и...

– Что произошло? – перебил Костя.

Пётр Валерьевич замолчал, затем кисло улыбнулся.

– Не знаю. И никто не знает. Мои предположения, что всему виной вирус, который оглуляет людей, делает их похожими на животных. Города заполнены дикими людьми. От животных они мало отличаются. И по поведению, и по умственному развитию.

Костик смотрел в глаза собеседника и пытался понять, правду ли ему говорят. Если бы он не видел выпрыгнувшего из окна мужчину, не видел девушку с окровавленной крысой в зубах, то непременно бы подумал, что над ним нагло стебутся.

– Как я понимаю, у нас с вами иммунитет? – предположил Костя.

– Я очень на это надеюсь, – сказал Пётр Валерьевич. – Я пока не могу сказать ничего конкретного, но... Пока мы находим адекватных людей лишь после состояния комы. Все, кто был в коме, сохранили разум...

– Странный какой-то вирус, – хмыкнул Костик.

– Согласен, – кивнул Власов. – Вирус странный. Но пока мы располагаем лишь такими фактами. А ещё... Как ты понимаешь, людей осталось крайне мало. Еды, конечно, в Москве много, но ведь её надо ещё достать и привезти. Электричества нет, поэтому скоропортящиеся продукты уже пропали. Плюс защитные сооружения не мешает возвести. Мало ли... – посмотрел в сад. – Нам сейчас очень тяжело, поэтому лишние руки не помешают, – недвусмысленно намекнул он. – Кем работал до всего этого?

– Редактором в издательстве, – сказал Костик.

Пётр Валерьевич скривил такую физиономию, будто ему в рот целиком засунули очищенный лимон. Вероятно надеялся, что Костя какой-нибудь рукастый инженер, как в «Таинственном острове» Верна, например. Да откуда ж такому взяться в стране, где все производства похерили, а дипломы продаются?

– А учился на кого? – не терял надежды бывший депутат Мосгордумы.

– На учителя русского и немецкого языка.

– Немецкого языка... – пробормотал Пётр Валерьевич. Он отвернулся к окну, всмотрелся в гравийную дорожку, словно пытался среди камешков разглядеть золотой слиток. – Восстанавливай силы, – буркнул, наконец, Власов. – А я пока подумаю, куда тебя пристроить.

– Хорошо, – произнёс Костик.

Он ещё некоторое время просидел, чего-то ожидая. Пётр Валерьевич как-то странно на него посмотрел. Затем поднялся и отечески похлопал по плечу.

– Ничего, выкрутимся, – сказал он.

И ушёл. Костя обернулся, посмотрел ему вслед. Разговор утомял. Сейчас казалось вообще удивительным, что сумел спуститься в больнице с третьего этажа, выйти во двор и доплестись к вагончику охранников. Нельзя это объяснить ничем кроме шока.

Из кухни долетал вкусный запах поджаренного хлеба, но

Костика от него начало подташнивать. В гостиную вошла Марина. Помогла бывшему редактору подняться.

– А теперь бриться, – сказала она.

Просторная ванная комната располагалась в нише, между спуском в подвал и кухней, где Костик увидел склонившегося над сковородой светловолосого парня с правильными чертами лица. Совмещённый санузел блестел чистотой, пахло лавандой. Костику пришлось подождать в темноте, пока Марина принесла бритвенные принадлежности и зажжённую свечу. Вода из крана текла лишь холодная и тонкой струйкой, но бывшему редактору этого хватало. Он поначалу даже не узнал бледного бородача, пялившегося на него из зеркала. Постепенно волос на лице становилось меньше, оно приобретало привычные очертания, только выглядело настолько худым, будто Костя сбежал из концлагеря.

Наконец он закончил. Холодная вода освежила, но общение и бритьё забрали все силы. Марины нигде не было. Обрато в палату пришлось подниматься самому. Путь до лестницы Костя преодолел без опоры. А вот втащить собственное тело на семь ступеней оказалось героическим подвигом. По маленькому коридору к заветной двери пришлось пробираться по стеночке.

Костя повернул ручку и вошёл. Фёдорыч спал, из его горла при каждом вдохе вырывался протяжный хрип. Учебник истории в раскрытом состоянии лежал на коленях. Двое соседей по несчастью по-прежнему находились без сознания.

Он лёг на постель и закрыл глаза. Где-то в глубине сознания теплился уголёк надежды, что произошедшее попросту бред, который вот-вот пройдёт. Он проснётся в своей постели, выпьет кофе и поедет на работу...

* * *

Фёдорыч разбудил Костика ближе к вечеру.

– Вставай, тетеря, – потрепал за плечо. – Кушать подано, садитесь жрать.

Поднос он поставил на тумбочку. Костя несколько мгновений моргал, пытаясь сообразить, где находится. Затем медленно сел. В тарелке тот же суп. Фёдорыч занял место в кресле и взялся за книгу.

– Это всё правда? – посмотрел на него Костик. – То, что вирус... люди одичали.

Старик несколько мгновений смотрел на него. Затем усмехнулся.

– Я очухался в «склифе». В скорой, – сказал он. – Меня даже не успели в палату довести. Понятия не имею, что произошло и когда оно началось... Но я поначалу думал, что сошёл с ума. Да что там... скоро сам всё увидишь. Вот съездишь в город с Бандитом и всё узнаешь. Увидишь и пощупаешь, как говорится, своими глазами и руками.

– С Бандитом? – Костя потянулся к подносу с супом, но на полпути замер.

– Да это спецназовец. В Дагестане на mine подорвался. Ему руку и оторвало. Его тут все Бандитом зовут, – старик помолчал и как-то злобно добавил. – В карты, шельмец, хорошо играет...

Костя установил поднос на колени. Суп хорошо проскользнул внутрь. В этот раз порция чуть больше, и доесть всю получилось с трудом.

– Какой сейчас день-то? – спросил Костик, бросив ложку в пустую тарелку.

– А тебе какая разница?! – Фёдорыч опустил книжку и посмотрел на подопечного, как на умалишённого. – Что среда, что воскресенье, всё одно. Если ты конечно не верующий... Но даже если и верующий, то батюшку тебе придётся искать...

– Месяц какой? – перебил Костя. – Сколько я в отключке-то валялся?

– А-а-а! – протянул Фёдорыч. – Месяц нынче июнь. Число то ли двадцатое, то ли двадцать первое. А ты когда отключился-то?

– Вроде как шестнадцатого мая, – Костик вернул поднос на тумбочку. – По крайней мере, это последний день, который я помню.

– Прямо как наш Пётр Валерьевич, – сказал старик. – Он в аварию из-за какого-то уroda попал.

– А когда всё произошло? – Костик лёг на койку. Неудержимо начало клонить в сон. Это состояние даже стало раз-

дражать. Понятно, что организму нужны силы и он таким образом восстанавливается, но хочется же и пободрствовать.

– Никто точно не знает, – Фёдорыч поднял книжку. – Приблизительно между двадцатым и двадцать вторым мая. Меня двадцатого в подвале шандарахнуло трубой, а двадцать второго я выполз из скорой. Как-то так...

* * *

Со следующего дня начались тренировки. Так называл их Костик. Марина же называла их лечебной физкультурой.

В первый раз, когда Костик вышел на улицу, то чуть не задохнулся от природных ароматов, шибанувших в нос. Даже закашлялся.

– Ничего, ничего, – Марина держала его под руку. – Это твои лёгкие с привычки после загрязнённого воздуха.

– Хорошо, – Костик посмотрел в её красивые, изумрудного цвета, глаза. Хотел сказать, какие они восхитительные, да застеснялся. Чтобы как-то отвлечься, обернулся на дом, откуда вышли. Трёхэтажный особняк с бутафорскими башенками по периметру, был отделан голубым мрамором. Большие окна гармонично смотрелись на фасаде. На каждом углу и в каждую сторону висело несколько камер, на крыше виднелся край спутниковой тарелки и дымоходная труба.

– Пойдём, – потянула Марина засмотревшегося на дом пациента. – Брошенной недвижимости теперь хоть отбавляй.

Вместе они ходили по гравийным дорожкам сада. Территория оказалась довольно внушительная. Костик раньше и не догадывался, что такое количество земли может принадлежать одному человеку.

Выходили, как правило, перед обедом. Делали большой круг между двумя искусственными озерами. Переходили по изысканному мостику через искусственный ручей. Чудь вдали виднелся небольшой водопадик, возле которого, на одной ноге, стоял розовый фламинго. Не сразу Костик понял, что эта птица всего лишь статуя.

После отдыхали на резной деревянной лавочке, которой и король не постеснялся бы заменить трон, шли вдоль длинной живой изгороди, постриженной в виде животных, но за прошедшее время слегка заросшей. Садовник сделал из кустов настоящий зоопарк. Был здесь прайд львов, жирафы, обнявшиеся шеями, пума играла с отпрыском, из водоёма выходил большой бегемот, в засаде сидел гепард, возле тропинки в стойке застыли суслики, сова пыталась схватить мышь, крокодил подкрадывался к антилопе, буйвол смотрел под ноги. Много животных было в той живой изгороди, большинство Костик даже не мог узнать. Каждый раз, когда там проходили, он поражался мастерству садовника. Однажды поинтересовался у Марины, кому мог принадлежать такой дом? Ведь тут садовник явно зарабатывал больше, чем большинство региональных бизнесменов мелкого и среднего пошиба.

– Пётр Валерьевич как-то обмолвился, что здесь дочь чья-

то жила. Чиновника какого-то.

– Оно и видно, – буркнул Костя.

За аллеей с живой изгородью начинались узкие дорожки, проходившие сквозь море различных цветов. Запах в этой части парка стоял умопомрачительный, Марина каждый раз закатывала глаза и на несколько минут словно выпадала из жизни. Даже Костя, всегда относившийся к цветам с мужским равнодушием, при входе в этот райский уголок Серебряного Бора всегда несколько раз вдыхал глубоко-глубоко. За время отсутствия людей цветочная лужайка, конечно, потеряла красоту. Появились сорняки, а в одном месте даже вырос большущий куст конопли.

Узкие дорожки в море цветов заканчивались возле ещё одной живой изгороди, на этот раз высокой и пышной, чтобы скрывать громадный забор из белого кирпича.

С самого начала у Костика не заладилось общение с Мариной. Он по-прежнему не мог оторвать взгляда от её глаз, отчего чувствовал себя неуютно. Видимо из-за этого и не мог с ней толково поговорить. Стоило им начать беседу, как он, непроизвольно, хоть раз, но смотрел ей в глаза. И тут же зависал, как компьютер при перегреве процессора.

Перед ужином прогулка повторялась, но была короче. Возле пруда разворачивались и шли обратно. В подвале трёхэтажного дома находился полноценный спортзал с кучей тренажёров, беговой дорожкой, столом для пинг-понга и душевой кабиной.

Не изнуряющие занятия физкультурой и хорошее питание быстро поставили Костю на ноги. За это время он успел познакомиться со всеми жителями лагеря выживших, как люди называли дачу дочери чиновника.

Главным и непререкаемым авторитетом стал Пётр Валерьевич. Он один из первых, кто вышел из комы. Причём на операционном столе, но хирургическое вмешательство, видимо, успели закончить до часа X. После он встретился с Фёдорычем и Бандитом.

Бандита родители называли Володей. Родом он из Соминска, служил в Ростовском спецназе. В Дагестан, на борьбу с бандой, их отправили два месяца назад. Машина, в которой ехал Володя, подорвалась на фугасе. Он рассказывал, что помнил вспышку, грохот, будто небеса обрушились на землю. Затем почувствовал, как его дёрнуло за руку. А потом наступила всепоглощающая тьма. Володя, рассказывая эту историю Костику, обмолвился, что долго-долго находился в темноте. Пытался бежать, кричать, найти выход или, хотя бы, стены. Со смущением признался, что даже плакал от безысходности, но никак не мог покинуть тьму. А в какой-то момент осознал, что лежит на больничной койке. Тогда наступил ещё один шок. Он увидел, что его культю нюхала обнажённая женщина средних лет с растрёпанной шевелюрой. Володя признался, что даже не понял, чем больше оказался шокирован: видом женщины или культёй вместо собственной руки. А Бандитом его нарекли уже в лагере, когда про-

знали о таланте всех обыгрывать в карты. Фёдорыч даже предупредил, чтобы не вздумал с ним садиться за карточный стол, мол, этот однорукий бандит и дьявола обыграет.

Фёдорыча, кстати, звали Фёдоровым Фёдором Фёдоровичем. Это у них семейная традиция такая, называть сыновей Федями. Если требовалось, то делали двойное имя. Как похвастался старик, ещё Александр I предложил какому-то из его прапрапредков ввести такую традицию. С тех пор и звались все мальчики их семьи Фёдоровыми Фёдорами Фёдоровичами. Если при царях их род был хоть чуточку знаменит, пусть и в своей губернии, то после прихода большевиков такая известность чуть не вышла боком всем Фёдоровым Фёдорам Фёдоровичам. Большинство из рода, кстати, или перестреляли, или сгноили по лагерям. Избежал этой участи лишь дед Фёдорыча – он затесался в продотряд под командованием Роланда Фрейслера, а после окончания гражданской ушёл в РККА. К тридцать шестому году он уже занимал какой-то пост в НКВД... А его внук, Фёдорыч, работал сантехником в аварийке мосводоканала. Единственным его жизненным достижением стало то, что его шандарахнуло трубой по голове в очередном подвале, благодаря чему и пережил одичание людей. Потомков Фёдорыч, кстати, не оставил, но его это особо и не волновало. Его, как понял Костик, вообще ничего не волновало – он всю жизнь прожил сегодняшним днём.

Марина до часа X работала проктологом. Она так никому

и не призналась, отчего впала в кому, а напрямую с ней Костик говорил мало. Всё, что получилось узнать – Пётр Валерьевич вместе с Бандитом нашли её на пороге клинической больницы номер восемьдесят шесть. В лагере выживших поговаривали, что перед днём X её сын разбился в аварии. Она его похоронила, наглоталась таблеток и впала в кому. А когда вышла, то остались единицы нормальных и адекватных людей. Правда это или нет, Костик не знал, а спрашивать неудобно. Марина вообще мало с кем общалась. В основном по необходимости. Остальное время она проводила, запершись в своей комнате.

Еду на всех готовил Ромул. Так его прозвал Бандит за точёный античный профиль. Парня, ровесника Костика, звали Ромой, но по имени, его никто не называл. Так всегда бывает с настоящими прозвищами. Если прицепится, то фиг потом отдерёшь, даже смерть не сможет. Готовить Ромул не просто любил – а обожал. Для него было совершенно не трудно приготовить каждому отдельное блюдо. Главное, чтобы продукты имелись. До дня X он работал старшим менеджером в салоне сотовой связи. Конечно, что-то и когда-то кашеварил. Пельмени или яичницу. После комы же не мог себя заставить выйти из кухни. Даже спал там, на самодельном тюфяке, между столами. В лагере выживших на него, поначалу, смотрели как на чудака, или милого уродца, но потом появились более интересные персонажи...

К тому моменту, как Костик стал полноправным членом

лагеря, в нём насчитывалось уже восемь человек. Вместе с самим Костиком.

Ануш Агазаровна, сорокадевятiletняя полноватая армянка, приехала из Кисловодска. У неё обнаружили рак мозга и требовалось лечение в столице. Как и полагается в России, анестезиологу дали на лапу, но тот всё равно сделал что-то не так и после операции Ануш впала в кому. Как завершилась операция неизвестно, но Марина сказала, что вряд ли удачно. Ануш беспрестанно жаловалась на мигрени, головокружение и с завидной регулярностью падала в обморок. Бандит даже как-то пошутил, что по Ануш можно часы настраивать. За эту шутку он, конечно, схлопотал презрительные взгляды, но сказал, в сущности, правду. Ануш падала в обморок точно в десять сорок три утра и без двух минут девять по вечеру. Пётр Валерьевич долго думал, каким делом её занять, в итоге назначил мастером чистоты. С таким назначением Ануш, конечно, оказалась не согласна, но другой работы для неё пока не нашлось.

Вместе с Костиком из комы вышла Тамара Лирова. Голубоглазая блондинка с той неуловимой русской красотой, которую отдельные девицы, подчиняясь американской моде, пытаются скрыть за ботоксом и силиконом. Марина с Бандитом нашли её в той же больнице, что и Костика, только на втором этаже. Работала она фельдшером на скорой. Приехав на очередной вызов, столкнулась с пьяной компанией подростков. Одному из них стало плохо. Ничего особенно-

го в том случае не было – рвало паренька. Тамара посоветовала друзьям поить его водой и ни в коем случае не давать больше алкоголя, как один из них пытался. Но на Тамару стали наседавать, мол, останови рвоту, надо продолжить застолье. Она пыталась им объяснить, что рвота – естественная реакция организма на критическое количество яда. Но разве пьяному можно что-то втолковать? Она уже собиралась уходить, когда один из парней, покачивая бейсбольную битку, преградил дорогу. Требования подростков резко изменились. Они захотели, ни много ни мало, чтобы скорая отвезла их собутыльника в больницу, а на худой конец к нему домой. И когда Тамара отказалась...

Очнулась она уже в лагере. Предполагала, что получила бейсбольной битой по голове. В подтверждение этой теории говорила зашитая рана над правым ухом.

Вскоре они с Костиком стали вместе гулять по саду. Вместе занимались в спортзале. Поначалу Тамара разговаривала мало. Костик видел, как её что-то гнетёт, но не мог понять причину.

В конце первой недели, когда они закончили вечернюю тренировку, он спросил у неё об этом.

– А ты веришь тому, что говорит этот Власов? – ответила она вопросом на вопрос. – Тому, что говорит Марина?

В спортзале никого кроме них не было, поэтому говорила она громко. Костик приподнял левую бровь, усмехнулся.

– Верю, – сказал он. – Я кое-что видел. А что такого ска-

зочного говорит Марина?

– Предположим, – легко согласилась Тамара. – Ты кое-что и видел. То, что тебе позволили увидеть. А Марина... Ты разве не знаешь, что такое кома?

– Это когда человек вроде как спит, но разбудить его невозможно, – полушёпотом произнёс бывший редактор.

– Кома – это вегетативное состояние, которое вызвано глубоким и почти полным торможением в коре головного мозга, с дальнейшим распространением на подкорку и нижележащие отделы центральной нервной системы из-за острого нарушения кровообращения в головном мозге. А ещё при коме возникают нарушения кислотно-щелочного равновесия в нервной ткани, очень часто бывает кислородное голодание или нарушения ионного обмена и энергетическое голодание нервных клеток, – Тома замолчала и посмотрела на вытянувшееся лицо Костика. – Говоря проще, кома – это состояние между жизнью и смертью. Ты знаешь, что при коме нарушается частота дыхания, а в сердечно-сосудистом тоне происходят серьёзные изменения. Я спросила у Марины, почему мы не умерли. Мы с тобой. Если мы находились в коме – мы должны были умереть, когда всё это случилось. Понимаешь? Однако вместо этого нас сюда привезли на грузовике. Не на реанемобиле. В грузовике! Как манекены!

Костик промолчал. Ему уже несколько раз приходило в голову: а вдруг это какой-нибудь розыгрыш? Или эксперимент? Им выделили огромную территорию, назвали это да-

чей чиновника. Дали вояку, чтобы присматривал, хорошего повара, врача... Да только не верил он, что весь эксперимент организовали ради него. Даже ради двоих людей.

– Вдруг там, – Тома махнула рукой в сторону стеллажа с гантелями. – Всё по-прежнему, а мы здесь заперты, словно белые мыши. Избрали нас...

– Фигня какая-то, – покачал головой Костик. – Я уже думал над этим. Не похоже это на правду. Я редактор в мелком издательстве. Ты фельдшер. Ну кому мы нужны? К тому же насильно над нами эксперименты ставить?! В Москве много людей, которые добровольно на это согласятся, пусть и за вознаграждение.

– И всё-таки меня не отпускает чувство, что не всё тут чисто, – Тамара направилась к лестнице. Её походка уже приобрела грацию, которой пару суток назад не было. Наверняка день-два и Пётр Валерьевич придумает для них какую-нибудь работу. Костик непроизвольно засмотрелся на бёдра фельдшера. Даже не заметил, как та остановилась и обернулась.

– Не хочешь сам удостовериться во всём, о чём нам так упоённо рассказывают?

У Костика перед глазами мелькнул мужик, выпрыгнувший из окна. Женщина с крысой, заглянувшая в будку охранников. Пустая улица, брошенные машины.

– Я не хочу отпускать тебя одну, – честно признался Костик. – Я понимаю, что лучше один раз увидеть, чем сто

раз услышать. На твоём месте я бы, наверно, тоже не слишком-то верил этому Власову. Хочешь выбраться, посмотреть всё своими глазами?

Тамара кивнула.

– Хорошо, – Костик почувствовал непонятное воодушевление, словно собирался сделать единственно правильный в жизни поступок. – Тогда выходим завтра утром, – решил он. – С рассветом, пока все спят.

– Хорошо, – с серьёзным лицом кивнула Тамара. – У меня мама на «Октябрьском поле» живёт. Пойдём туда?

– Если там всё так, как я видел, то нам вообще без разницы куда идти. Если же не так...

Он даже не знал чем закончить речь. А вдруг это действительно эксперимент и завтра они из него выберутся?

– С рассветом встречаемся в саду, – сказала Тамара. – На лавочке.

– Хорошо, – кивнул бывший редактор.

* * *

Костика несколько дней, как перевели из палаты в отдельную комнату на третьем этаже с красивым видом на парк. На большой двуспальной кровати можно преспокойно спать впятером, отдельной ванной комнате позавидовали бы все городские жители, в комодке нашлось несколько пижам и полотенец. Судя по всему у прошлого хозяина (или в данном

случае хозяйки) эта спальня выполняла роль гостевой.

На просьбу выдать одежду Пётр Валерьевич ответил, что её попросту нет.

– Когда выберешься в город, подберёшь себе что-нибудь в любом из магазинов, – сказал он.

В подвале Костя нашёл здоровенный генератор и целую батарею полных красно-синих бочек.

Поинтересовавшись у подвернувшегося Фёдорыча, узнал, что Пётр Валерьевич строго-настрого запретил включать свет, чтобы не привлекать диких. Электричество разрешалось использовать лишь для насоса, качавшего воду из скважины. После того, как Ануш ослушалась приказа и включила, пусть и ненадолго, свет, Бандит обошёл весь дом и выкрутил лампы, а светодиодные светильники, которых оказалось большинство, попросту разбил. Поэтому после наступления темноты все расходились по своим спальням.

На первом этаже Костик обнаружил небольшую комнату – в прошлом наверняка кабинет. На громадном дубовом столе находилась внушительных размеров рация. Её антенна царапала потолок. На панели горели два светодиода. Один красным, второй зелёным. Костя попытался разобраться в устройстве. Смог определить регулятор громкости и кнопку «вкл/выкл», остальные тумблеры, кнопки и ручки настройки имели непонятные для него значения и символы.

– Радист, нахрен? – услышал он голос бывшего спецназовца.

Костя почувствовал себя школьником, которого родители застукали за просмотром эротического видео.

– Нет, – опустил глаза. – Просто...

– Жаль, – не дослушал Бандит. – Я её, нахрен, притаранил сюда, думал разберусь... Но как-то всё не до того. Так, кое-чего, нахрен, поискал, посмотрел...

– И что, связался с кем-нибудь?

– Нет, – помотал головой спецназовец. – Везде, нахрен, тишина.

Около минуты оба неловко молчали. Затем Бандит сказал:

– Пойдём, что ли, нахрен, в картишки перекинемся?

В этот момент мимо прошёл Ромул в испачканном малиновом переднике.

– В столовую, – полуприказным тоном сказал он.

Костик почувствовал, как в сладостном предвкушении буркнул живот. К тому же Ромул принёс за собой запах жареной картошки.

– Вот это, нахрен, хорошая новость! – губы Бандита растянулись в улыбке.

* * *

После ужина, когда солнце уже скрылось за горизонтом и над Москвой повисли затяжные сумерки, Костя сел играть в карты с Бандитом. Вначале в «козла». Всего десять минут понадобилось спецназовцу, чтобы выиграть. Он попросту не

дал взять бывшему редактору ни единой карты в двух играх.

– Двенадцать ноль, нахрен, – Бандит пододвинул колоду к проигравшему. – Давай, нахрен, в дурачка. Подкидного.

– Давай, – Костик сгрёб колоду, сложил её аккуратно и принялся тасовать.

Он слышал, что с заключёнными не стоит играть в карты. Там тебя «обуют» так, что за всю жизнь не рассчитаешься. Но бывший спецназовец ни с какой стороны не походил на зека. Да и играли без интереса.

Когда начали партию в подкидного дурака, Костя окончательно убедился, отчего у бывшего спецназовца такое прозвище. Возникало чувство, что о какой карте он подумает, та у него и появляется. Все хитрые выдумки и беспроигрышные ходы разбивались о невероятное везение Бандита.

– Да у тебя талант! – Костик бросил на стол четыре карты, среди которых три козыря, когда противник положил ему на правое плечо бубновую шестёрку, а на левое пиковую. – Тебе надо было ходить по казино и деньги сшибать!

– И ходил, – довольно улыбнулся Бандит. – И охренеть как сшибал. Пока их, естественно, не закрыли нахрен. Меня даже в некоторых местах не пускали! Типа, фэйс-контроль не прохожу! – хохотнул он. – Прикинь, нахрен, как боялись?!

Он довольно прищурился, вспоминая былые времена.

Играли в гостиной на первом этаже, где всего неделю назад Костик разговаривал с Петром Валерьевичем. С кухни тянуло сладким запахом сдобы. Марина заказала булочек.

Через комнату прошла Тамара. Переглянулась с Костиком, словно шпионы в стане врага.

– Охрененная тёлка, – посмотрел ей вслед Бандит.

Скорее всего, фельдшер услышала эти слова, но виду не подала.

– Слушай, а как там, в городе? – Костик сгрёб карты и принялся их мешать. Постарался придать лицу равнодушное выражение.

– Хреново, – посмотрел на него Бандит. Его левый уголок рта нервно дёрнулся. – Тишина, запустение и хреновы голые мужики с бабами носятся.

– Нападают? – Костя начал сдавать карты по одной.

– Ты их, нахрен, главное не трожь, они и не нападут. Чисто звери хреновы. Трусливые охренеть. Пёрднешь и все нахрен разбегаются. Но если в угол загонишь... хрен уже живым выберешься.

– Оружием наверно лучше обзавестись... – вслух подумал бывший редактор.

– Да нахрен?! – искренне удивился Бандит. – Нет, ты не подумай... оружием и вправду надо разжиться. Того, что сейчас есть недостаточно. Да и не всем достанется в случае, нахрен, чего. Просто там... – указал он в бок. – Чистые звери. Не трогай их и они не тронут тебя.

– Хищники вообще-то и с голоду нападают.

– Люди это, нахрен, шакалы, – хмыкнул Бандит.

Костик положил колоду на стол и поднял свои карты.

– А козырь, нахрен, кто доставать будет? Пушкин что ли? – Бандит стрельнул глазами на колоду.

Костик поднял карты и вытащил нижнюю – пиковая дама.

* * *

Редактор долго ворочался в большой кровати, пытаясь уснуть. Несколько раз ему послышалось, что по саду кто-то ходит. Один раз он даже не поленился и встал, посмотрел в окно. В сплошной тьме ничего не разглядел. На душе стало как-то беспокойно. Все замки в доме с наступлением тьмы, закрывались. Но этот домик строился для дочери чиновника, а не по заказу Наф-Нафа. Входные деревянные двери были больше стеклянными, нежели деревянными. А в окна, при должной сноровке, можно влететь на самолёте.

Костику померещилось движение. Словно кто-то при свете луны высунул голову из кустов и через миг снова спрятался.

Бандит чуть ли не ежедневно предлагал выставлять посты, но Пётр Валерьевич всегда отвергал эту идею. Людей мало, оружием, кроме самого Бандита, никто не владел. «Получится не охрана, – говорил он. – А лишнее привлечение внимания. Так дикие подёргают двери и уйдут, а начни мы стрелять, сбегутся со всей округи».

Костик минут пять вглядывался в тёмный сад, но больше ничего не разглядел. Вернулся в кровать.

Он не понимал, правильное ли принял решение выбраться с базы. В словах Тамары была логика. Как-то бредово всё выглядело. Люди одичали и ведут себя, словно животные, а единственными нормальными остались лишь те, кто находился в коме. При этом Пётр Валерьевич непоколебимо уверен, что всему виной вирус. Марина на этот счёт молчала с таким усердием, словно и нет у неё медицинского образования.

Бывший редактор перевернулся на другой бок. Под окном зашуршало – там определённо кто-то находился. Костя подумал об этом уже отстранённо, а в следующую секунду сладко спал.

* * *

Когда он открыл глаза, первые утренние лучи уже пробрались в спальню. Костик подскочил с кровати. В глазах от резкого движения потемнело. Никакой другой одежды кроме пижамы ему так и не выдали, но Костика это особо и не смущало. Если в городе дела обстоят так, как говорил Пётр Валерьевич, то без разницы во что он одет. Если с человечеством всё нормально и нет никаких диких людей, то беспокойство об одежде станет наименьшей проблемой.

Костик скользнул в коридор, тихо ступая босыми ногами, спустился на первый этаж, где раздавался булькающий храп Бандита – он так и уснул в гостиной. Дверь на улицу открыта.

Костя нацепил шлепанцы, в которых обычно ходил на прогулку, и вышел. Пахло лавандой. Возле входа, в большом вазоне, рос крупный куст. На данном этапе никто не мог заподозрить их в побеге. Мало ли... не спится людям, решили прогуляться.

На листьях висели капельки росы. Где-то в глубине сада невидимая птичка мелодично напевала о своём, птичьём, счастье. Утренняя прохлада забиралась под пижаму, спину и руки Костика покрыли мурашки.

Тамара, как и было уговорено, ждала на резной деревянной лавке, также одетая в пижаму и шлёпанцы.

– Я подумала, ты уже не придёшь, – сказала она вместо «привет».

На её лице остались помятости от подушки. Светлые волосы кое-как завязаны в хвостик, но несколько прядей торчали. Она широко зевнула, и у Костика появилось сильное желание сграбастать её и отнести в кровать. Она смотрелась домашней-домашней и совсем не походила на человека, решившегося покинуть лагерь. Так могла выглядеть любимая супруга, которой приснился нехороший сон и, чтобы успокоить нервы, она отправилась спозаранку побродить в утренней прохладе по саду.

Единственное, что выдавало её настрой – блестящие, как две звёздочки, глаза.

– Плохо ты обо мне думаешь, – Костик даже немного обиделся. – Пойдём, – протянул руку.

Тома несколько мгновений смотрела на ладонь, словно пыталась удостовериться, что та не кусается. Наконец вложила в неё свою тёплую и мягкую ладошку.

– У тебя есть какой-то план? – посмотрела ему в глаза.

Костик усмехнулся.

– А какой тут может быть план? Выбираемся в город и смотрим, как там обстоят дела.

– А ты уверен, что мы в Москве?

– Вот сейчас и узнаем.

Выход находился с противоположной стороны дома. От большой деревянной двери широкая бетонная дорога уходила к толстым металлическим воротам. Возле них, на вместительной площадке с неработающим фонтаном, стоял серый «Урал» с синей полосой вдоль борта и белой надписью «ОМОН». Когда-то ворота запирались на электрический замок, но теперь закрыты на обыкновенный засов. Костику пришлось навалиться на них всем телом, чтобы вытащить массивную пластину из внушительных пазов. Такое чувство, что проектировщик этих ворот раньше строил феодальные замки.

Легонько скрипнули петли. Без сомнения, раньше они открывались бесшумно, но за последние месяцы дожди сделали своё мокрое дело. Через год они наверняка будут распахиваться с таким скрипом, что уйти незаметно станет невозможно. Всё созданное человеком настолько хрупкое, что природа рушит это за считанное время. Впрочем, ничего

удивительного – люди всё создают по своему образу и подобию.

За высоким забором проходила двухполосная дорога с яркой и новенькой разделительной линией. Неподалёку, передним колесом на обочине, лежал перевернувшийся внедорожник, рядом с ним валялась порванная одежда. Вдали дорогу перебежала чёрная кошка.

– Идём? – Костик посмотрел на Тамару. По его мнению, можно закрывать ворота и отправляться в постель, досыпать. Валявшийся посреди дороги автомобиль стоил дороже однокомнатной квартиры в каком-нибудь Чертаново.

– Идём, – уверенно произнесла фельдшер.

Внедорожник её не убедил. В некоторых районах Москвы можно встретить брошенные автомобили таких марок, что любой провинциал скажет: «Да ну... не брешу».

Костик прикрыл за собой ворота. Петли снова тихо скрипнули. Когда проходили мимо перевернувшейся машины, почувствовали едва уловимый запах бензина. Лобовое стекло оказалось в трещинах, водительское и вовсе выбито. Вскоре вышли к широкой четырёхполосной дороге. Над ней даже проходили троллейбусные провода.

– Точно Серебряный Бор, – полушёпотом произнесла Тома.

На дороге застыло несколько автомобилей. Небольшой грузовичок корейской марки врезался в столб. В раскрывшемся от удара кузове виднелся штабель с досками. Возле

искорёженной и разъявленной водительской двери валялись подмоченные дождями купюры. Даже на вид там приличная сумма. У Костика с трудом получилось себя удержать от того, чтобы не броситься их собирать.

Вот теперь он точно поверил во всё, что говорил Пётр Валерьевич. Не могло столько ценных бумаг так беспардонно валяться на дороге. Хотя... настолько ли они теперь ценные?

Вдали показался шлагбаум. Возле него застыл троллейбус, токоприёмники так и остались на проводах. Два окна разбиты, а двери закрыты, словно люди, и водитель в том числе, резко забыли, как выходить из транспорта. Вход в белую будку охранника преградила маршрутка. Чуть поодаль, рядом с остановкой, на тротуаре стояла коричневая детская коляска. Тамара заглянула внутрь, но там, естественно, никого не оказалось. На перекрёстке осталось неожиданно много автомобилей. Большинство из них столкнулись, словно все водители разом выпрыгнули. Вдоль тротуара стояло семь нетронутых машин.

В коричневой высотке за Хорошёвским мостом последние этажей двадцать выгорели. Причём давно – запах гари отсутствовал. Возле моста валялся розовый велосипед, а рядом с ним подмоченный дождями рюкзак. В кронах деревьев зашелестел ветерок, донёс умиротворяющий речной запах. На Живописном мосту виднелся большой двухэтажный автобус, он пробил ограждение и свесился над водой передними колёсами.

Костику хотелось сказать «Пойдём обратно», но, с другой стороны, и самому интересно посмотреть, что теперь в столице. Он поискал глазами какую-нибудь палку, способную стать оружием, но ничего подходящего не нашлось, да и не было откровенной опасности. Бывший редактор переглянулся с Томой. Ни слова не говоря, они направились в город.

На спуске к Набережной Новикова-Прибоя автокран перегородил обе полосы.

– Может, лучше поедем? – Тамара посмотрела на застывшую перед ними иномарку.

Костик подошёл к раскрытой водительской двери. Ключи торчали в замке зажигания, но после их поворота ничего не произошло. В салоне пахло застарелой мочой. На подлокотнике лежал мобильник. Естественно, разряженный. На кожаном пассажирском сиденье покоилась барсетка из поддельной крокодиловой кожи.

Похожим образом выглядели все встречные автомобили. Большинство из них во что-то врезались, зачастую друг в друга. На проспекте Маршала Жукова попало и несколько серьёзных аварий, с трупами, зажатыми в дорогах стальных гробах. Костик посмотрел на очередную женщину: её впалые глаза раскрыты, по синим губам проползла муха. В последние мгновения она пыталась посмотреть в небо. Стёкла, на удивление, не разбились, хотя рулевое колесо раздавило ей грудную клетку. Приторного запаха смерти не чувствовалось, но он всё равно померещился Костику и Тамаре.

– Я много раз видела таких людей, – Тома равнодушно смотрела на труп женщины. – Которые даже не догадываются, что чем ближе стрелка спидометра к последнему делению, тем больше вероятность, что ты уже в гробу. Который, к тому же, ещё и куплен в кредит.

– Может быть, – Костик отвернулся. Ему стало неприятно смотреть на труп. Ведь совсем недавно это был живой человек с мыслями и желаниями. – Только здесь, как мне кажется, виновата не скорость... – кивнул на множество врезавшихся друг в дружку автомобилей.

По обочинам и на парковках стояли оставленные владельцами транспортные средства. Некоторые Костик попытался открыть. Одна из стареньких иномарок разразилась пронзительным воем. Тамара вздрогнула, Костик непроизвольно отпрыгнул.

– Где бы теперь от неё ещё ключи найти?

В американских фильмах всё просто и легко – опустил козырёк от солнца и поймал ключи. В кино жизнь вообще намного проще, краше и легче. Именно поэтому эта сказка для взрослых имеет столько поклонников.

Стёкла во всех домах были целыми. Много попадалось разорванной одежды. Особенно возле брошенных на проезжей части машин. Встречались платья, шорты, очки, детские комбинезоны, трусы, джинсы, ремни, кепки, часы, носки, лифчики, различная обувь, строгие костюмы. Много попадалось автомобилей с разбитыми боковыми или лобовыми

стёклами. Создавалось такое чувство, что ехали-ехали люди по делам, и тут вдруг резко и нестерпимо всем захотелось раздеться. На заднем сиденье одного из автомобилей Костик с Тamarой увидели пластиковую клетку, откуда торчала высушенная кошачья лапа. У разделительного ограждения стоял оранжевый мусоровоз. Возле его задней части накидано много хлама, будто кто-то забрался внутрь и копошился там, вышвыривая на дорогу всё ненужное.

Среди всей этой оставленности и разрухи щит с надписью «Водитель, уступи дорогу спецтранспорту» смотрелся как-то неестественно и дико. Словно белый кролик с розовым бантиком на могиле ребёнка.

– Чувствуешь, какой чистый воздух? – Тома глубоко вдохнула через нос. – Даже не верится, что он бывает таким...

– Как в Ботсаду, – Костик тоже глубоко вдохнул.

Раньше он, как и любой столичный житель, годами не придавал значения тому, что загоняет в лёгкие. После пробуждения не единожды обращал внимание на то, как легко и свободно стало дышаться. Словно, пока он находился без сознания, ему подсадили третье лёгкое.

Первого дикого Костик с Тamarой увидели на углу с улицей Генерала Глаголева. Заросший чёрной клочковатой бородой на них смотрел обнажённый мужчина с небольшим пивным брюшком. Он сидел на корточках возле первого дома. Опираясь на руки, внимательно рассматривал странных гостей.

– Смотри, – показала на него Тамара. – Эй! – крикнула и помахала рукой.

Для дикого её голос прозвучал словно команда. Не поднимаясь с четверенек, он попятился к кустам. А потом вдруг замер. Его глаза заблестели. Слишком поздно Костик распознал этот взгляд.

Дикий почесал левой рукой промежность. Как-то неестественно долго почесал, словно многократно проверял все ли причендалы на месте. Глаза при этом не отрывал от Тома.

– Как-то странно он на меня смотрит, – полушёпотом поделилась фельдшер.

Мужчина поднялся, и молодые люди увидели, что тот дёргал себя за мягкий член. Дикий прекратил манипуляции с собственным телом и, сгорбившись, побежал к Костику и Тамаре. Теперь-то стало понятно, что за блеск поселился в его глазах.

Дикий с лёгкостью перемахнул невысокую разделительную оградку между дублёром и основной дорогой. В этот момент Костик его и ударил. Целил в висок, но попал в ухо. Мужчина громко крякнул и припал на левое колено. Костя и раньше не мог похвастаться сокрушающим ударом, а после комы и профессиональный боец будет не в лучшей форме. Глаза дикого налились кровью. Он ещё раз посмотрел на Тамару, словно убеждал себя, что самка стоит того, чтобы ради неё драться. Фельдшер отшатнулась. Раньше ей, как и любой женщине, было приятно, когда за неё дерутся. Вероят-

но, это чувство и осталось в подсознании из тех, первобытных времён, когда телом привлекательной женщины наслаждался самый сильный. Но теперь, в двадцать первом веке, Тамара понимала, что стоит Костику проиграть и она станет всего лишь призом для этого заросшего клочковатой чёрной бородой человека. Её подхватят и унесут в тёмную пещеру, где этот пропахший потом и мочой победитель будет наслаждаться её телом, как хочет и сколько хочет.

Дикий вскочил и с утробным рыком бросился на соперника. Костик попытался врезать ему ногой в живот, но не успел. Дикий ударил его головой в лицо, сразу обхватил за грудную клетку и повалил на асфальт. В нос ударила вонь давно немытого тела. Костя стукнулся затылком, в глазах на мгновение потемнело. Когда зрение вернулось, он обнаружил мужчину сидевшим на своей груди. Прикрыл голову от ударов, которые должны вот-вот последовать, но дикий, вместо того, чтобы избивать противника, вцепился ему в шею. Пальцы придавили кадык, воздух прекратил поступать в лёгкие. Горло обожгло, словно туда налили огня. Костя попытался оторвать руки противника, но не тут-то было. Попытался дотянуться к лицу, но тоже не смог. Лягнул коленом ему по спине, но ситуацию это не спасло, лишь с левой ноги слетел тапок. В голове начал образовываться тяжёлый сгусток, угол зрения резко сузился до лица противника. Налитые кровью глаза дикого человека сияли такой злобой, словно Костик собственноручно передошил всех его один-

надцать детей. Он рычал, будто загнанный зверь, и сдавливал жертве горло, уже предчувствуя победу и самку, полученную по праву сильного.

Подбежала Тамара. Несколько мгновений примерялась, затем неуклюже, по-женски, ударила напавшего человека рукой в основание черепа. Когда это не возымело какого-либо эффекта, она всадила дикому стопу в правое ухо. Мужчина с клочковатой бородой качнулся в противоположную от удара сторону и посмотрел на ударившую самку с немим удивлением, словно спрашивал: «Э, ты нормальная?!». Его хватка чуть ослабла. Костик из последних сил дёрнулся, извернулся и скинул дикого с себя. Обнажённый мужик грузно упал на асфальт. Перекатившись через спину, несильно ударился головой о колпак на автомобильном колесе. Зарычал, попытался вскочить, но успевший подняться на колени Костя ударил его кулаком в лицо – коротко без размаху. На удачу попал в свалывшуюся бороду. Рука скользнула сквозь волосы и врезалась в кадык. Дикий захрипел, схватился за шею. В выпученных глазах не осталось и частички злости. Он хватал воздух, как рыба. Костик увидел, что два его верхних зуба почернели.

– Пошли, – Костя поднялся на ноги, нацепил тапок, схватил Тамару за руку и потянул за собой.

Заканчивать бой ему не хотелось. В глубине души жил страх убийства, навязанный нам обществом и мастерски используемый уголовниками против обыкновенных граждан.

А ещё Костик боялся, что ему может попросту не хватить сил.

Тамара побежала первой. За ней припустил и Костя. Несколько раз оглядывался. Мужик с чёрной клочковатой бородой сидел на асфальте, держался за шею. Боль отпускала и пропорционально этому вновь глаза наливались злостью. Теперь из-за того, что желанная самка скрылась. Он поднялся, сделал несколько неуверенных шагов, чтобы догнать беглецов, затем остановился. Потрогал причинное место, потеревил мягкий член. После медленно перебрался через невысокое и пыльное ограждение на дублёр. Неторопливой походкой, сторбив спину, направился в сторону дома номер один.

Тамара остановилась. Упёрла ладони в колени, стараясь унять дрожь то ли в коленях, то ли в руках, но ничего из этого не вышло. Костик видел, как она дрожала всем телом. Из её лёгких вырывались тяжёлые хрипы. Фельдшер явно не утруждала себя физическими нагрузками ранее. А теперь, после комы, пробежка всего в сотню метров измотала её, словно солдата кросс по пересечёнке.

Костик остановился рядом. Чувствовал, как сердце пытается проломить грудную клетку редкими, но тяжёлыми ударами. В горле першило. Пламя чуть поутихло, но огненные языки ещё лизали передавленные мышцы и каналы, через которые в организм поступают все необходимые питательные вещества. Костик упёр руки в бока, так ему показалось

проще сохранять вертикальное положение. Наблюдал, как дикий скрылся за углом первого дома, откуда всего несколько минут назад и выбежал.

– Возвращаемся, – не могла отдышаться Тома.

Они минут десять простояли, приводя все системы организма в норму.

– Смотри, – указала Тамара направо.

Костик поначалу не понял, на что она показывала. У обочины стояла красная машина немецкой сборки, возле её переднего колеса лежала большая кукла в белом кружевном платье, посеревшем после дождей. В салоне, на зеркале заднего вида болталась жёлтая мягкая игрушка.

«Пикачу» – отстранённо подумал Костик.

В этот момент он их заметил. Под кустом, чуть левее от машины, сидели двое. Мужчина и женщина. Точнее девочка-подросток. Длинные и светлые волосы дикого клоками выдраны, на колене запеклась кровь, редкая бородёнка торчала сосульками в разные стороны. Дикый поднял руку к ветке куста. Сжал её в кулак и потянул. Все листья остались в ладони. Он засунул их в рот, не отрывая глаз от Костика с Тамарой, и принялся медленно пережёвывать.

Девочка недавно вошла в пору гормонального перестроения. Груды только-только начали обозначаться. Её чёрные, средней длины, волосы на одной стороне заметно короче, видно в прошлом она увлекалась модой. Из-под этих лохм сверкали ненавистью два глаза, тогда как мужчина смотрел

отстранённо, словно на пробегающую вдалеке собаку.

Позади них что-то шевельнулось и Костик с Тамарой увидели ещё одну женщину, постарше. Она стояла за кустом и выглядывала.

Не сговариваясь, Костя и Тома направились в сторону Серебряного Бора. Бывший редактор искал взглядом хоть какое-нибудь оружие, но ничего подходящего, как назло, не валялось. Обшаривать машины не хотелось – хотелось скорее убраться из города. Фельдшер часто оглядывалась, но их никто даже не собирался преследовать.

Когда проходили мимо оранжевого мусоровоза, оттуда донёсся подозрительный шорох. Костик схватил Тамару за руку и оттащил подальше от брошенной машины. Вскоре на дорогу выбралась большая собака – лабрадор. К её боку прилипли ошмётки колбасной обёртки и прозрачный целлофановый пакет. Пёс равнодушно посмотрел вслед людям, мол, ходят тут всякие.

Одна из оставленных на парковке машин завизжала. Костя с Томой увидели бросившегося от неё ребёнка. Непонятно, девочку или мальчика. На вид не больше семи-восьми лет, короткие растрёпанные волосы, худощавое тельце. Ребёнок скрылся во дворе ближайшего дома, между деревьев и, вероятно, продолжал поглядывать оттуда за странными соседями, нацепившими зачем-то тряпки.

Фельдшер переступила через брошенный посреди дороги пиджак. От прошедших дождей он покрылся грязью и поте-

рял цвет. Из внутреннего кармана торчал краешек паспорта. Она наклонилась и вытащила документ.

– Скворецкий Вадим Георгиевич, – прочла с такой интонацией, словно знала этого человека. – Место рождения Казахская ССР. Прописан в Марьино.

Костик остановился и удивлённо посмотрел на подругу. Тома бросила документ и направилась дальше. У обоих уже заплетались ноги.

– Просто хотела удостовериться, что он настоящий, – наконец произнесла фельдшер. – Как-то всё...

– Странно? – попытался угадать Костик.

– Как-то всё жутко.

Хорошёвский мост показался неестественно длинным, словно за время отсутствия молодых людей некто могущественный незримо увеличил его в несколько раз. Из-за домов выглянул край солнца. Его лучи приятно грели кожу. Тамара смотрела под ноги, по её опущенным уголкам губ и блеклым глазам не трудно догадаться, что она в полнейшем смятении. Весело смотреть апокалипсис на киноэкране, а участвовать в нём неинтересно и до жути страшно. Особенно когда не понимаешь, что именно произошло.

Костик шаркал резиновыми сланцами по асфальту. Чувствовал такую усталость, будто в одиночку разгрузил фуру с кирпичами. На дереве закаркала ворона. Тома вздрогнула. Костик поднял взгляд на птицу. Затем подхватил валявшийся чуть в сторонке мобильник с разбитым экраном и запу-

стил им в ворону. Телефон пролетел в нескольких метрах от цели. Ворона каркнула, но так и осталась сидеть.

– Ты чего? – посмотрела на него Тамара.

– Зло берёт, – честно признался Костик.

Фельдшер вздохнула. Некоторое время шли в тишине. Когда миновали пост охраны на въезде, она спросила:

– У тебя кто-нибудь остался... там, – кивнула в сторону города.

– Нет. Я гол как сокол.

– Тебе проще, – Тамара подняла листок, упавший с дерева и одиноко валявшийся на проезжей части. – А у меня там папа, мама и сестра. Младшая.

– Мы обязательно их заберём, – сказал Костик.

– Сомневаюсь, – фельдшер покрутила листок перед глазами, словно в первый раз видела подобную штуковину. – Я не понимаю, что произошло, но это точно никакой не вирус. В этом Власов нам врёт.

– А может он и сам не знает, – предложил Костик.

Они свернули на свою улицу. Увидели завалившийся на бок дорогой внедорожник.

– Может он и сам не знает, – легко согласилась Тома. – Только у меня смутные подозрения, что он-то как раз если точно и не знает, то хотя бы догадывается. Во-первых, как я поняла, он первый, кто вышел из комы. Во-вторых, он почему-то выбрал именно эту дачу в Серебряном Бору для лагеря выживших. В-третьих, почему собственно он назначил себя

главным? Потому, что он депутат?! Заметь, бывший. Почему, например, не ты главный?

Костик внимательно посмотрел на Тому.

– Я думаю, мы вскоре узнаем ответы на эти вопросы. А не скажет сам, так мы спросим, – ответил он. – Начинать сейчас ссориться из-за этой псевдовласти не разумно. Хочет быть главным, пускай.

Тамара с кислинкой посмотрела на попутчика. Протяжно вздохнула.

Возле перевернутого внедорожника по-прежнему несильно воняло бензином. Костя вдохнул этот запах, и сразу вспомнилось детство, как бегал по лужам с масляными пятнами, как сосед катал по двору на синем мотоцикле и даже разрешал посидеть за рулём своего стального коня, пока тот был заглушен. Если кто-нибудь из ребятни откручивал пробку бензобака, то оттуда пахло так же...

Где-то далеко загавкала собака. Этот звук показался странным, словно инопланетным. Чем ближе подходили к забору из белого кирпича, за которым находился лагерь, тем сильнее чувствовался запах жареной картошки. Костик почувствовал, как в животе заурчало. Тома шумно втянула носом воздух.

Костя толкнул створку ворот, та с лёгким скрипом открылась. Первой запустил фельдшера, затем вошёл сам. На первый взгляд во дворе ничего не изменилось. Неработающий фонтан, «Урал» с надписью «ОМОН», бетонная дорога, уво-

дившая ко входу в дом. Костик закрыл створку ворот. С лязгом задвинул засов. Когда повернулся, то увидел, как из-за грузовика вышел Бандит. В руке он держал пистолет, нацеленный в Тому. Фельдшер сразу подняла руки, хотя бывший спецназовец этого и не требовал.

– На землю, нахрен! – скомандовал он, направляя оружие на Костика.

– Эй-эй-эй, полегче! – Костя поднял руки на уровень лица. – Ты чего дружище, не узнал?

– На землю, нахрен, я сказал! – рыкнул Бандит. – Мордой, нахрен, вниз! Или я, нахрен, неясно выражаюсь?!

Он так и остался стоять возле грузовика, словно боялся подойти.

– Хорошо, хорошо, – задрожал голос Тамары. – Мы ложимся, – и она первая выполнила приказ. Вначале опустилась на колени, затем легла на бетонную дорогу.

Костик тоже выполнил приказ. Бетон оказался холодный и почему-то пах известью.

– Кто вам, нахрен, разрешал покидать лагерь? – тон Бандита немного смягчился, он словно просил прощения за предыдущую грубость. Естественно тем способом, которым умел.

– А кто нам запрещал? – вопросом на вопрос ответила фельдшер.

– А вот это, нахрен, вы уже с Петром Валерьевичем решите, кто вам запрещал, – сказал Бандит.

Тома скосила глаза на Костика. В её взгляде так и читалось: «Ну, что? Убедился?».

* * *

Лежать на холодном бетоне пришлось долго. Лишь минут через десять послышались тяжёлые шаги.

– Ой, Боже! – услышали молодые люди голос Ануш. – А чего ты их...

– Позови, нахрен, Петра Валерьевича, – перебил Бандит. – Скажи, нахрен, срочно.

– Да вижу, что срочно... – Ануш попятилась.

Время текло медленно. В такие моменты кажется, что оно бесконечно. Запах жареной картошки сводил с ума. В желудках у Костика с Тамарой происходила нешуточная революция. Наконец запах чуть поутих. В глубине сада щебетала птичка. Где-то неподалёку, скорее всего на дороге, завыли друг на друга коты.

Костик чувствовал, как затекают колени. Показалось, что даже бетон под щекой нагрелся от человеческого тепла. По ощущениям прошло минут сорок. Тамара, наконец, не выдержала:

– Долго мы будем здесь валяться? – приподнялась на руках и посмотрела на Бандита.

Бывший спецназовец присел на могучий бампер «Урала», пистолет опустил между широко расставленных ног. Костик

вывернул голову и тоже посмотрел на него. Появилась мысль вскочить и броситься на человека с оружием. Расстояние небольшое, плюс эффект неожиданности. Из минусов: перед ним всё же мужчина хорошей физической подготовки, пусть и однорукий.

Бандит лениво посмотрел на фельдшера.

– Ждём, нахрен. Петра Валерьевича. Он уже пусть, нахрен, решает, что с вами делать.

– Я не понимаю, что мы такого противоправного совершили, чтобы с нами чего-то решать?! – потемнели глаза Тамары. – Ты кем вообще себя возомнил?! – от возмущения она попыталась встать.

Бандит молниеносным движением поднял оружие. Тёмный ствол оказался направлен ей в лоб.

– Ещё хоть одно движение и я тебя, нахрен, пристрелю, – буднично сообщил он, словно речь шла не о человеческой жизни, а об очередном задании начальника.

Костик напрягся. Мысли лихорадочно забегали, но решения он не находил. Все события последних дней по-прежнему, если вдуматься, казались сном или бредом.

Тамара несколько секунд буравила взглядом однорукого человека, затем медленно опустилась на бетон. Закрыла глаза.

Вскоре раздались вальяжные шаги, приближавшиеся с такой скоростью, будто их обладатель вышел на прогулку, а не спешил для решения конфликта. Костик посмотрел на депу-

тата. Синие брюки, остроносые туфли, накрахмаленная белая рубашка, уставшее и не выспавшееся лицо, словно всю ночь мучился от кошмаров.

Пётр Валерьевич остановился возле бампера «Урала». Посмотрел на лежавших людей, затем перевёл вопросительный взгляд на бывшего спецназовца.

– Побег, нахрен! – ответил тот ясно и лаконично.

– Побег?! – не поверил собственным ушам депутат Мосгордумы. – А у нас тут исправительное учреждение? Встаньте, – приказал он. – Не хватало еще, чтобы простудились.

Костик с Тамарой медленно поднялись. Фельдшер старательно отряхнулась.

– А как же, нахрен, карантин? – Бандит выпучил глаза.

– Карантин нужен и необходим, – кивнул Пётр Валерьевич и его шейные складки неприятно колыхнулись. – Но только будь в следующий раз более... толерантным. Мягким, что ли...

– Всё, мы можем идти? – Тамара хотела обойти грузовик и двинуться к дому.

– Стой! – Власов выставил перед собой руку. – Если я разрешил встать, это ещё не значит, что я разрешал вернуться в общество!

– Да что вообще происходит?! – не вытерпел Костик. – Вы тут что, с ума посходили?! Там, – указал на ворота. – Люди потеряли всякий разум, носятся в чём мать родила. Вы здесь

что устроили? Что за цирк? Не нужны мы? Так мы уйдём!

Он действительно собрался развернуться и уйти, но голос депутата остановил:

– Не кипятись, – сказал он. – Никто и не говорил, что вы не нужны. Даже наоборот, вы очень нужны. Володя просто перегнул палку с вашим задержанием. Но в этом моя вина, не предвидел такого поворота событий...

– А зачем нас вообще задерживать?! – Тамара тоже чувствовала, что готова развернуться и уйти. – Мы похожи на воров или убийц?! А может мы...

В доме хлопнула дверь. По бетонной дороге быстро шагала Марина. Синие джинсы на ней висели, длинная мужская рубашка скрывала грудь.

– Вы можете быть заразны, – перебил Власов словоизлияние фельдшера. – Вас требуется отправить в карантин. На заднем дворе есть небольшой домик, там видимо раньше садовник со всем своим инвентарём обитал. Вот теперь, наверное, поживёте там вы.

– Заразны?! – Тамара посмотрела на депутата, словно прохожий на человека, предложившего бессмертие за сто рублей. – Вы думаете, что происходящее там, – вновь указала на ворота. – Заразно?!

Подошла Марина. Остановилась рядом с Петром Валерьевичем. По оружию в руке спецназовца лишь мазнула глазами. Зато осмотрела с ног до головы фельдшера, затем перевела взгляд на Костю. Вгляделась в его лицо.

– Мы не знаем, что произошло, – у Власова в голосе появилась сталь. – Никто понятия не имеет, почему вся Москва вдруг стала дикой. Может это вирус, может какие-нибудь паразиты, может нанороботы или какое-нибудь новое американское оружие. А может ещё какая-нибудь напасть... Но рисковать у нас просто нет права! – сказал как отрезал. – Поживёте в садовом домике, а там и посмотрим...

– Откуда у тебя гематома на лице? – Марина пристально смотрела на Костика.

– Только не говори, что упал, нахрен! – хохотнул Бандит. Пётр Валерьевич прищурился, разглядывая то, что профессиональный доктор обнаружила моментально.

Костик на мгновение замялся, не зная, что сказать. В конце концов, решил не хитрить. Во взрослой жизни враньё смотрится бестолково. Его всегда видно, хотя лгущий, как правило, думает наоборот. Костик на мгновение залюбовался её изумрудного цвета глазами.

– На нас напал дикий, – сказал он. – Вероятно, хотел её, – кивнул на Тамару.

Все проследили за его взглядом. Бандит плотоядно ухмыльнулся. В глазах Власова появилась задумчивость.

– Я уверена в том, что это не вирус... – словно извиняясь, произнесла Марина. – Но считаю, что посидеть в домике вам будет полезно.

Костик с Тамарой переглянулись. Фельдшер кисло усмехнулась.

– Кормить хоть будете? – посмотрела на депутата. – Картошечка-то пахнет отменно!

* * *

К месту заключения, или карантина, Костика с Тамарой сопровождал Бандит и Власов. Шли они на почтительном расстоянии.

– Думают, что их это спасёт, – шёпотом произнесла фельдшер. – Вся Москва превратилась в диких зверей, а они думают, что расстояние в несколько метров защитит их от заражения.

– Ты им об этом не сообщай, – сказал Костя.

Бандит недовольно засопел. Почувствовал, что говорят о нём, но рыкнуть не посмел.

Когда проходили мимо дома, увидели, что из-за панорамного окна за ними наблюдала Ануш. Она застыла с мокрой тряпкой в руках, среди гостиной. Её левая жёлтая перчатка чуть сползла, на запястье виднелись тонкие золотые часы. Она проводила Костика с Томой встревоженным взглядом, затем опустилась на колени и полезла тряпкой под одно из кресел.

На изгибе тропинки Костя увидел сломанные на уровне груди кусты, словно кто-то пробирался сквозь них. Обернувшись, посмотрел на дом. Нашёл окна своей спальни. Значит и правда кто-то шарился по саду ночью. Неуютно стало от

ощущения, что пока он спал, рядом бродил кто-то из диких. Перед глазами сразу появился мужик с клочковатой чёрной бородой.

В глубине сада, возле забора, разделявшего участки, обнаружился маленький уютный домик из обрешеченной доски.

Тамара остановилась, прикрыла рот руками и произнесла:
– Какая красота!

Костик не мог с ней не согласиться. Затянутый плющом одноэтажный дом в глубине сада смотрелся уютно. Вокруг него росли белые цветы, названия которых бывший редактор не знал.

– Идите, там открыто, – сказал Пётр Валерьевич. – Я пришлю Фёдоровича с едой. Он теперь будет её приносить и где-нибудь здесь оставлять. Посидите пару дней, а там Марина вас посмотрит и если всё нормально, то вернётся.

– Спасибо, милый барин, – прорвало, наконец, Тамару, она даже сделала шутовской поклон.

Власов хмуро на неё глянул. Складки кожи на шее неприятно содрогнулись.

– Мы все в одной лодке, – сказал он. – Я просто хочу, чтобы эта лодка не потонула. Если вы заразны, то будет полезно вас изолировать. Если нет, то пожить в этом домике два дня не составит для вас проблем.

Внутри пахло пылью. В домике садовника Ануш, естественно, не убиралась. В углу стояла приземистая кровать из нелакированного дерева, застеленная новеньким синтепоновым одеялом с тиграми. На большом верстаке валялся хозяйственный инструмент, в тисках так и осталась зажатой деревянная деталь непонятного предназначения. Видимо садовник был в доме мастером на все руки. Рядом с верстаком находился офисный стул со сломанным правым подлокотником. Вдоль одной из стен выстроился садовый инвентарь. Возле входа стояла полуразобранная газонокосилка. Тома подняла с пола большие ножницы, повертела их так и эдак, повесила на свободный крючок. Рядом с кроватью находился ещё один стол – обеденный. Старая клеёнка с жёлтыми цветами в нескольких местах протёрта. В стакане с водой обречённо дрыгала лапками муха. Рядом стояла пустая бутылка из-под газировки. В единственной комнате домика нашлось ещё две двери. За одной из них Костик обнаружил совмещённый санузел, а за второй спряталась полупустая гардеробная.

– Чур, я на кровати, – Тамара посмотрела в левое окно, прошла к правому. – А ты... – замялась она.

– А я с тобой, – не остался Костик в долгу.

Он подошёл к постели и поднял одеяло. Под ним обна-

ружилась старая-старая, покрытая жёлтыми пятнами простынь.

– Мда-а-а... – протянул Костик. – Скорее всего, мы будем первые, кто станет спать на этой кровати.

Тома подошла и посмотрела на простынь.

– Ты, – сделала она ударение. – Будешь первым, кто станет спать на этой кровати.

Депутат не обманул. Пока молодые люди шутливо пререкались, кто будет спать на кровати, на аллейке послышались шаги. Фёдорыч принёс поднос с едой. Поставил его прямо на дорожке, не дойдя метров десять.

– Эй, больница, кушать подано! – крикнул он. – Выходи по одному!

Костик открыл дверь. В глаза ударило солнце уже высоко забравшееся по небосводу. Следом вышла Тамара.

– Я голодна, как стая койотов, – она и вправду не отрывала глаз от подноса, на котором стояли две тарелки с пюре и овощными котлетами. – Мог бы и попить чего-нибудь захватить.

Фельдшер направилась к еде. Фёдорыч слишком проворно для своего возраста отскочил.

– Принесу, – буркнул он, наблюдая за девушкой. – Могу чай, могу воды. Чего изволите, дамы и господа?

– И чая и воды, – ответил Костик. – И побольше. Если мне ночью захочется пить, а воды не будет, так ведь на кухню придётся идти. А я любитель пить прямо из чайника...

– Постельное бельё нам принеси, – Тамара подняла еду и направилась к дому. – И вилкихвати, не звери же мы руками есть.

– Да и пару интересных книг возьми, – сказал Костик. – Хоть почитать, а то тут совсем заняться нечем.

– Да вы чего, больница, офонарели что ли?! – выпучил глаза Фёдорыч. – Вам тут курорт, а я прислуга?!

Костик пропустил Тамару в домик. Перед тем как закрыть дверь, сказал:

– Воду по ночам люблю пить прямо из чайника.

* * *

Фёдорыч принёс пятилитровую баклагу с водой, термос с чаем и два комплекта постельного белья. Свалил всё на дорожку, метров за десять до двери. Сверху положил запечатанную колоду карт и два комплекта столовых приборов, завернутые в жёлтое кухонное полотенце.

– Эй, больница! – окликнул он.

Костик открыл дверь, прищурился от яркого солнца. Следом вышла Тома. Она жевала котлету, не дождалась, когда принесут столовые приборы.

– Всё принёс, как и заказывали, добрый сударь, – шаркнул ножкой Фёдорович.

Костик подошёл, поднял с земли баклагу с водой и термос. Тома взяла постельное бельё, столовые приборы и ко-

лоду карт.

– А книги? – Костик посмотрел на старика.

– Книг нима, – Фёдорович виновато развёл руками. – Почти все комнаты облазил, нашёл лишь какой-то медицинский справочник, да атлас европейских дорог. Вон, свистнул у Бандита однорукого карты. У этого хомяка оказывается двадцать колод в тумбе припрятано. Солить их на зиму что ли будет?!

– С книгами, конечно, досадно вышло... – вздохнул Костик.

Ближе к обеду в гости заглянула Марина. Если Фёдорыч старался не подходить, то она без стука открыла дверь и вошла в дом. К тому времени с едой было давно покончено. Постельное бельё лежало на краю кровати, а Тамара с Костиком играли в «козла».

На этот раз Костя выигрывал.

Когда дверь открылась оба круглыми глазами посмотрели на вошедшую. Как-то не ожидали они гостей после такого, добровольно-принудительного, заточения.

– Привет, – Марина остановилась в дверях, смущённая таким пристальным вниманием. – Можно войти?

– Привет, – в один голос отозвались молодые люди.

– А вот можно ли войти, решать тебе, – сказал Костик.

– Кто нас сюда определил?! – хмыкнула Тома. – Вирус...

– Я из-за этого и пришла, – Марина закрыла дверь и подошла к столу. – Мы с вами прекрасно понимаем, что ви-

рус, уничтожающий человечество – это насквозь голливудское изобретение. Но им я этого, пока, доказать не смогла, – указала она в сторону дома. – Думаю, таким способом я смогу всех убедить, что никакое заразное заболевание здесь не причём.

– А что тогда произошло? – внимательно посмотрела на неё Тома.

– Если бы я знала... – Марина присела на кровать, рядом с фельдшером. – Сама теряюсь в догадках. Я сначала думала, что попала в ад. Потом мне казалось, что вот-вот всё наладится. Что в других городах остались люди. Сейчас меня всё больше и больше охватывает безнадёга. Мы с Володей уже раз восемь ездили в город. Нормальные жители, сохранившие разум, есть только в больницах.

– В коме? – на всякий случай уточнила Тома.

– Да. Вот это меня больше всего и удивляет. Почему всё человечество резко поглупело, а те, кто был в коме, остались при своих мозгах?

– А ещё поведение одичавших людей не похоже на поведение приматов, – пробормотал Костик. – Хотя вроде как должно...

– Вроде должно... – как эхо отозвалась Марина. – Но одичавшие люди страшнее. Агрессивнее. Может, с приматами ошибка вышла? Никакая обезьяна никогда не становилась человеком?

Костик смотрел в карты, но размышлял над заданными

вопросами.

– А не может это быть какой-то внешней угрозой? – предположила Тамара, которой запали в душу слова Власова о нанороботах.

– Я, когда очнулась, ещё было электричество и работали мобильники, – начала Марина. – Я звонила, куда только могла дозвониться. Находила в Интернете телефоны и набирала в Америку, Англию, Австралию. Никто и нигде не поднял трубку. Пётр Валерьевич пытался хоть с кем-нибудь связаться по спецканалам... Володя через какую-то военную рацию на Фрунзенской набережной пытался...

– И тоже безрезультатно, – закончил Костик. – Словно некто могущественный лишил всех людей разума, но некоторых упустил. Они выбились из алгоритма, потому что находились в коме. Вопрос... Точнее даже два: кто и зачем мог такое сотворить?

– Инопланетяне? – Тамара произнесла это слово с шуточной интонацией, да только все собравшиеся словно утратили чувство юмора.

Костик даже отстранённо подумал, что впервые в жизни предположение такого рода кажется ему вполне логичным, имеющим место быть.

– Тогда где они? – развела руками Марина. – Оглупили людей, только чтобы оглупить?

– Мы их можем просто не видеть, а они, например, уже среди нас, – предположила фельдшер. – Или ту же Америку

с Австралией осваивают.

– Вряд ли, – Костик положил, наконец, карты на стол, рубашками вниз, откинулся на коротко скрипнувшую спинку стула. – Я даже представить себе не могу оружие, способное оглуплять целые планеты! Да и зачем оно собственно нужно?!

– Чтобы без разрушений их захватить, – вставила Тома.

Костик открыл рот, чтобы продолжить диалог, но так и не нашёл, что сказать. В словах фельдшера была неоспоримая логика. Не было лишь инопланетян с их супер-оружием.

– Знаете, – поднялась Марина с кровати. – Мы можем бесконечно гадать, что произошло и почему это произошло, а правда всё равно окажется страшнее догадок. Оно так всегда и бывает. Я, собственно пришла не за этим. Мы с Володей едем в город. Искать выживших, пополнить различные запасы. Оборудование мне кое-какое ещё необходимо. Конкретно вам что-нибудь нужно?

– Книги, – сразу выпалил Костя.

– Тампоны, – почти одновременно с ним сказала Тома. – И ещё... вы не могли бы заехать ко мне домой, вдруг там...

Марина покачала головой.

– Даже не надейся, – похоронным тоном произнесла она. Посмотрела в глаза фельдшера и повторила. – Даже не надейся.

Спустя час после ухода Марины, Костик с Томой услышали, как зарычал мощный двигатель грузовика. У Костика возникло дежа вю, как он также сидел, в маленьком домике со столом и кроватью, а к нему приближался рёв мотора.

На этот раз звук удалялся. У обоих возникло чувство, что они остались одни на этом свете.

Тамара отказалась играть в карты. Она взяла крышку двигателя от газонокосилки, вынесла её ко входу. Установила возле стены и осталась на ней сидеть. Костик выглянул в окошко. Фельдшер просто смотрела в небо, на её левой щеке блестел мокрый след.

Остаток дня прошёл в тревожном и грустном бездействии. Костик рассмотрел весь садовый инструмент, даже развесил его по местам. Вытрусил одеяло и застелил кровать. Навёл порядок на верстаке. Затем открыл дверь и выкатил офисный стул на улицу. Тамара сидела в той же позе, что и несколько часов назад. Только мокрая дорожка на щеке высохла.

Костик уселся на стул. Скрипнула спинка, когда он на неё опёрся.

– Неправильно всё это, – тихо произнесла Тамара.

– Неправильно, – согласился Костя, даже не уточняя, что именно. Сам знал ответ – неправильно всё, начиная от про-

изошедшего в Москве и заканчивая их вынужденным прозябанием в садовом домике.

До самого вечера просидели в молчании, и практически не двигались. Костик чувствовал, что у него затекли ноги, но ему это казалось даже приятным. Он ни о чём не думал, ни о чём не беспокоился, и ему нравилось это состояние. Все проблемы, которые мешали жить совсем недавно, показались смешными и нелепыми. Купить квартиру в Москве? Да пожалуйста! Даже покупать теперь не надо – как в том «Простоквашино», заходи и живи. Сменить машину? Легко! Даже спецтранспорт «ОМОНа» раздобыть не проблема. Где заработать побольше денег? Да пожалуйста – иди, бери. Они теперь нафиг никому не нужны.

Солнце повисело в зените и медленно начало опускаться. Костику неожиданно пришла в голову мысль: а вдруг такое уже случалось в истории человечества? Он не единожды слышал о странных археологических находках, относившихся к тем эпохам, когда людей не существовало. Эта мысль показалась ему смешной и нелепой. Какая теперь разница, что было в истории человечества?! История нужна лишь политикам, чтобы убеждать собственные народы в необходимости войн. Война – это единственный способ быстрого сверхобогащения. Это знают все сильные мира сего, начиная от каменного века и заканчивая сегодняшним днём. Именно поэтому историю проходят во всех без исключения учебных заведениях, чтобы человек с детства привыкал: война это

нормально. Именно поэтому большая часть страниц уделена именно тем или иным военным действиям, а культурному развитию эпох отводятся лишь жалкие несколько абзацев. Наличие истории во всех без исключения учебных заведениях прикрывается благими намерениями, мол, чтобы не повторяли ошибок прошлого, чтли героические подвиги предков. Во всех этих событиях фигурируют, опять же, властимущие, которые ценою миллионов жизней завоевали те или иные земли, увеличили СВОИ империи.

Если бы люди действительно хотели не повторять ошибок прошлого, то войны остались бы лишь в фантастических романах, играх и фильмах.

Если бы люди действительно хотели чтить память предков, то не проливали бы кровь друг друга – единственно верный источник генетической памяти, придуманный для нас природой.

Но мысль о быстром сверхобогащении чужим имуществом за счёт чужих жизней никогда не давала людям покоя. Если врага не было, его придумывали, если люди отказывались идти убивать, то им сочиняли разные мотивы: патриотизм, главенствующая нация, требование религии и множество других.

Пока есть страны – будут существовать и их правители, а значит, будут продолжаться войны. Как показывает история, которую учат во всех без исключения государствах: мужики – это бестолковое стадо, перед ними главное тряпку повесить

правильную, а бабы вообще дуры – перед ними даже вешать ничего не надо, они и так нарожают пушечного мяса.

Костик сидел, смотрел в голубое небо и размышлял о грустном изобретении природы – человеку. Зачем она его таким создала? Может, природе это надоело, и она забрала у человека всю эту мерзость – разум?

– Ты чего с таким кислым лицом сидишь, словно всю жизнь лимонами питаешься? – вырвал его из раздумий голос Тамары.

– Меня всю жизнь дерьмом кормят, – сказал Костик.

– Не поняла? – немного расширились глаза фельдшера.

– Да это я так... – удручённо махнул рукой бывший редактор. – Задумался.

Он втянул носом воздух и неожиданно понял, как вкусно пахнет макаронами и сосисками. Моментально живот отозвался бурчанием.

– А Марина с этим волкодавом однолапым так и не приехали... – отстранённо произнесла Тома. – Не случилось бы чего...

– Мне кажется, всё нормально, – Костик и вправду чувствовал уверенность в том, что с врачом и бывшим спецназовцем всё хорошо. – Я когда выбрался из больницы, ночевал в вагончике охранников. Слышал ночью выстрелы. А утром приехали они. Мне кажется, что они всегда так уезжают – на несколько дней. Видела же какие там заторы. Пока всё это объедешь...

Фельдшер ничего не ответила, лишь вздохнула.

Вскоре начало смеркаться. Молодые люди вначале услышали шаркающие шаги. Вскоре на дорожке между кустиков показался Фёдорыч с большим стальным подносом.

– Эй, больница, – он остановился на том же самом месте, что и утром. – Пожрякаете, подносы и тарелки тут составьте, я позже приду, заберу. А то на вас посуды не напасёшься.

Когда стемнело, он так и не пришёл. Спать Тамара легла на кровать. Костик протёр верстак влажной тряпкой и застелил. По размерам тот не уступал кровати. Как подушка согдился здоровый кусок пакли, найдённый в одном из ящиков.

– Спокойной ночи, – произнесла Тома.

– Спокойной, – хриплым голосом ответил Костик.

Он лежал и смотрел в окно. Полная луна заползала на тёмное небо, освещала кусты, между которых скрывалась гравийная дорожка. Поднос с посудой выделялся на ней тёмным пятном. Спать не хотелось, в глаза, словно спички вставили. Мысли ворочались, как клубок сонных змей. Перед глазами мелькали картинки, как сидел в кабинете, за столом, читал тексты переводчиков.

Где теперь все люди, с которыми ежедневно общался? Неужели бегают голыми по улицам Москвы? Даже как-то не верилось, что Петровна, толстая уборщица, теперь трясёт жировыми складками, перебегая от дома к дому, от подвала к подвалу. А Вероника? Костик вспомнил аппетитную попку молодой корректорши. Неужели её теперь пользуется ка-

кой-нибудь бородатый мужик?

Как-то всё это выглядело неправильно. Костик всю жизнь глядел на животных и понимал, что те живут, так, как полагается им жить. Маленьким смотрел каналы про зверей и мечтал, что когда-нибудь станет ветеринаром, будет лечить маленьких львят и кенгурят. С детства знал, что людям так жить не полагается. Они разговаривают, ездят на автомобилях, берут ипотеки и кредиты, сидят в социальных сетях, тратят жизни на какие-то странные работы...

– Спишь? – прошептала Тома.

– Нет, – так же тихо ответил Костик.

– Помоги мне.

– В чём?

– Попасть домой. Я не верю, что папа и...

Она не закончила, но Костику этого и не требовалось. Он бы, наверно, и сам не поверил в то, что родственники превратились в тупых животных. Да что там... Он даже не верил, что Петровна, уборщица, могла стать дикой. А ведь их ежедневное общение состояло лишь из «здравствуйте» и «до свидания».

– Помогу, – сказал Костик. – Только в этот раз мы всё сделаем правильно. Во-первых, найдём машину, а, во-вторых, какое-нибудь оружие.

– Как скажешь, – согласилась Тамара.

– А лучше всего, чтобы...

Договорить ему не дал громкий шорох, раздавшийся пря-

мо под окном. Мелькнула крупная тень. Зашуршал щебень на тропинке.

– Что там? – на грани слышимости поинтересовалась фельдшер.

Костик открыл рот, чтобы ответить, но тут под окном мелькнула ещё одна крупная тень.

– Что там? – чуть громче спросила Тамара. Ей уже с трудом получалось сдерживать женское любопытство. – Неужели дикие?

Она спустила ноги с кровати и собиралась встать.

– Тсс! – Костик повернулся к ней и приложил палец к губам.

В этот момент возле окна остановилась женщина с правильными чертами лица и длинными, нечёсаными волосами. Костя затаил дыхание и замер. Стоило дикой повернуться, она непременно бы разглядела при лунном свете людей, спрятавшихся в садовом домике. Дикая с тихим хрюканьем поскребла ногтями шею. Протяжно отрыгнула. Опустилась на корточки и, перебирая по щебню руками, бросилась к оставленной на тропинке посуде.

Костик выдохнул. Услышал шорох. Тома подобралась к верстаку и выглядывала на улицу из-за его плеча. Дикая, тем временем, доскакала к подносу. Выставив кверху голый и в прошлом довольно соблазнительный зад, она принялась обнюхивать грязные тарелки. Силиконовые груди двумя мешками болтались над гравием.

– Надо было их помыть, – сказала Тома.

– Неудобно перед людьми? – посмотрел на неё Костик.

– Да ну тебя, – легонько шлёпнула она его по плечу.

Дикая принялась вылизывать одну из тарелок. Неподаляе- ку грекнуло. Молодые люди не сразу догадались, что именно могло издать такой звук. Зато дикая мгновенно распластала- сь по гравийной дорожке, словно кошка перед прыжком.

– Они разбили стекло, – прошептала фельдшер.

Костик сразу представил, как большое панорамное окно осыпалось на землю мелкими осколками. Он вскочил с вер- стака, простынь съехала на пол. Одновременно с ним, дикая бросилась по тропинке в сторону дома.

– Держи, – Костя подскочил к стене, на которой висел са- довый инструмент. Большие ножницы сами прыгнули в ру- ки. Протянул их Тамаре. Костя вооружился ножом с резино- вой ручкой. – Оставайся здесь, – сказал он. – Дверь только закрой...

– Не ходи, – прошептала Тома. Она всегда считала себя смелой и волевой (другие фельдшерами на скорой работать и не смогут), но теперь почувствовала, что боится. По-насто- ящему, как в тот день, когда увидела в руке одного из под- ростков бейсбольную битку.

Всего лишь на одно мгновение и Костик дал слабину. По- дошёл к верстаку, накиннул сланцы. Ведь действительно – можно не ходить. Кто ему те люди, спрятавшиеся в доме? Именно с их подачи, он остался в хибаре садовника.

Тишину разорвал истошный крик Ануш, который всё и решил. Костя рванулся к двери, дёрнул за ручку. Тёплый и немного влажный воздух ворвался в лёгкие. Со стороны дома слышалась возня. Бывший редактор рванул по гравийной дорожке, под сланцами шуршал щебень. Костик перепрыгнул поднос с тарелками. На повороте слегка поскользнулся и чуть не нырнул в кусты. Краем глаза увидел позади движение. Лишь на мгновение ёкнуло сердце, а потом, при свете луны, он разглядел Тамару. Костику хотелось воскликнуть: «Ну, сказал же тебе, оставайся!», однако так этого и не сделал. С ней показалось спокойнее. К тому же фельдшер его уже один раз выручила.

Панорамное стекло в гостиной действительно оказалось разбито. Осколки отражали холодный лунный свет. На шкуре белого медведя остался грязный человеческий след. На втором этаже слышалась возня, словно огромное животное хотело повернуться, но у него никак не получалось этого сделать.

Костик пробежал через гостиную, споткнулся о первую ступень лестницы, но равновесие удержал. Сверху послышался грохот – упал большой предмет. Костя взлетел по ступеням на второй этаж. В маленьком коридорчике находилось три двери. За одной из них, в палате, он и сам недавно лежал. Две других раскрыты. В лунном пятне, расплзшемся по коридорчику, мелькали большие тени. Вспотевшей ладонью Костя перехватил поудобнее нож с резиновой ручкой.

Одна из теней дёрнулась и в коридор вывалился низкорослый мужичонка с ввалившейся грудиной. Из его головы сочилась кровь, обезумевшие глаза уставились в потолок. Тень немного сдвинулась и в коридор вышла Ануш с утюгом в руках. Её ночная была разорвана, виднелось полное тело.

Сверху раздался такой грохот, что все непроизвольно втянули головы в плечи. Костик бросился к лестнице, чуть не сбил Тамару с ног. Вскочив по семи ступеням, он оказался в таком же маленьком коридоре, но с пятью спальнями. Одна из дверей оказалась настежь распахнута, мелькали тени. Костя заскочил внутрь. На полу Пётр Валерьевич боролся с кряжистым мужчиной, на лысой голове которого росло всего несколько прядей волос. Дикий душил бывшего депутата, тот уже хрипел, выкатившимися из орбит глазами с мольбой смотрел на человека, которого сам же на карантин и посадил.

Костик подскочил к борющимся, ударил дикого ногой под рёбра. Нападавший сдавленно охнул, но хватку не отпустил. Депутат стукнул его кулаком в ухо, но только сильнее разозлил. Дикий зарычал, словно тигр, потянулся зубами к ярёмной вене. Костя нагнулся и всадил нож между рёбер нападавшего. В момент удара постарался ни о чём не думать. Российская Фемида привела соотечественников к тому, что отдельного индивидуума пытаются убить, а он обязан думать, как бы не навредить нападающему. Мол, хотят убить, пускай убивают, а слепая Фемида их потом посадит (если найдёт, если не откупятся и ещё много всяких «если»),

и будет много лет кормить, за счёт убитых горем родственников жертвы.

Эти установки цивилизованного общества глубоко въелись в подсознание каждого человека, в мгновение ока избавиться от них оказалось не так-то просто.

Костя почувствовал, как острое лезвие проткнуло хрупкое человеческое тело. Редактору показалось, словно он вонзил нож в мягкую резину. Коротко чавкнуло. Дикий замер, затем медленно, словно под водой, повернулся к новому противнику. Ослабился и уже собирался кинуться, но в этот миг в его глазах кто-то невидимый словно нажал кнопку «выкл». Дикий испустил протяжный выдох и завалился на бок, прямо на прорезиненную ручку ножа. Пётр Валерьевич резво вскочил. Его синяя пижама успела пропитаться кровью дикого. На полу с каждым мгновением увеличивалась тёмная лужа. Остро пахло железом. Дикий слабо дёрнул ногой, по левой руке пробежала судорога.

– Спа... сибо, – депутат смотрел на поверженного врага. Его лицо, в холодном лунном свете, казалось бледным, как у мертвеца.

– Была ещё женщина... – сообразил Костик.

Он собрался вытащить нож, но в последний момент передумал. Не захотелось притрагиваться к оружию смерти. Редактор выскочил из комнаты и бросился вниз. На втором этаже столпились: Фёдорыч, Тамара и Ануш. Когда по лестнице застучали шаги, фельдшер выставила перед собой раскры-

тый секатор.

– Всё нормально? – на бегу спросил Костя.

– Ага, – они втроём, одновременно, кивнули.

Торопливо, но сохраняя важность, спустился депутат.

– Где Ромул? – посмотрел на него редактор.

– На кухне, – невозмутимо пожал тот плечами. – Он же оттуда вообще не выходит.

– Оставайтесь здесь, – сказал Костя и бросился по ступеням вниз. Запоздало подумал, что ведь нападавших могло быть и не трое, а намного больше, просто видел он троих. Но эти мысли не имели какого-то принципиального значения – дикие оказались не такими пушистыми, как их описывал Бандит. Безусловно, среди них есть трусливые особи, есть осторожные, а есть сбившиеся в стаи и оттого осмелевшие.

Звонко грюкнула кастрюля о кафель.

– Да отцепись ты, тварь! – раздался наполненный отчаянием крик Ромула.

Костя пробежал через гостиную, где на полу поблёскивали, словно далёкие звёзды, куски разбитого стекла. Дверь в подвал, где находился спортзал, чуть приоткрыта. В просторной кухне, куда свет проникал сквозь продолговатое окошко под потолком, густел мрак. Даже привыкшие к тьме глаза Костика не сразу различили Ромула, забившегося в угол, между громадным серебристым холодильником и баллонами с газом. В руках повар держал огромный тесак, при-

менять который не спешил – мешали установки цивилизованного общества.

Дикая, сгорбившись и выставив перед собой скрюченные пальцы с отросшими ногтями, подбиралась к повару. На полу, возле тюфяка валялась небольшая кастрюлька, а по голове женщины, на плечо, стекала тонкая струйка крови. Видимо Ромул, спросони, засадил ей первым подвернувшимся предметом.

– Не подходи! – повар вжался в стену и выставил перед собой нож.

Костя бросился к дикой. Хотел ударить её кулаком в основание шеи. Женщина, словно кошка, мгновенно извернулась и резво отпрыгнула. Её силиконовые и упругие груди призывно дёрнулись, но стоило посмотреть на немытое и искривлённое яростью лицо, как всякое чувство продолжения рода пропадало. Женщина ниже присела и глухо зарычала. Она оказалась зажата в углу. Бросила короткий взгляд на Ромула, вновь посмотрела на редактора.

Костик на мгновение отвёл глаза в сторону, искал вещь, способную послужить оружием. Дикая бросилась к большому кухонному столу. Мгновенно на него заскочила и звериным прыжком сиганула в стекло. Громко звякнуло, блеснувший в сотне осколков лунный свет на мгновение ослепил. Костя схватил подвернувшуюся скалку и побежал на улицу. На разбитых стёклах в гостинной поскользнулся и чуть не грохнулся, но сумел удержать равновесие. Щебёнка зашур-

шала под ногами. Костя обогнул угол дома. В кустах мелькнуло белое пятно человеческого тела. Редактор рванулся туда. Ветки оцарапали лицо, ноги запутались. Колючий сук впился чуть ниже глаза. Костя остановился и медленно выbralся обратно на гравийную дорожку. Услышал далёкий треск ломавшихся веток, вскоре всё стихло.

Послышались шаги. Вскоре подошёл Пётр Валерьевич с ножом для резки мяса и Ромул с тесаком.

– Вы женщин одних оставили? – Костя сверкнул глазами на Власова. – А если там ещё кто-то есть?

– Нет там больше никого, – ответил бывший депутат. – Я проверил.

– И улицу проверил? И весь сад? Все в дом, –скомандовал редактор. – До утра будем держать оборону там, вдруг поблизости ещё кто-то есть.

Перечить ему никто не стал.

Вдали залаяла собака.

* * *

Уснуть смог лишь Фёдорыч. Он уселся в любимое кресло, в палате, где лежали двое пациентов, и меланхолично произнёс:

– Вы как хотите, а мне сон досмотреть надо, – широко зевнул. – Завтра его уже показывать не будут.

Через пять минут он и вправду равномерно посапывал.

Костик уселся на койку, где совсем недавно лежал. Рядом, но на приличном расстоянии, присела фельдшер. Пётр Валерьевич подошёл к окну. Ромул закрыл дверь и съехал по ней спиной. Подтянул колени к груди, а тесак положил у ног. Анаш легла на свободную, не застеленную койку и закрыла глаза, но уснуть, как Фёдорыч, у неё, естественно, не получилось.

– Раньше такого не было, – депутат нарушил тишину. – Они никогда не нападали.

– Раньше люди не носились голышом по улицам, – ответила Тамара. – А вот нападали они всегда.

Костик отстранённо подумал, что ей это, как раз, лучше всего известно. Он никогда не видел в России человека, увлекающегося бейсболом. Безусловно, такие существуют, но биты в магазинах продаются явно не для своего прямого назначения. Об этом говорит даже отсутствие мячей. Когда покупатели проходят мимо, они почему-то не задумываются, что мячиком должна стать, например, их голова.

– Нам нужно организовать оборону, – Пётр Валерьевич продолжал размышлять вслух. – Для этого нам нужно оружие и люди. Если первое ещё решаемо, то со вторым...

– Если организовывать оборону, то делать это следует точно не на этой пафосной даче, – сказал Костя. – Здесь танк можно спрятать и мы его не найдём.

– Это место относительно далеко от людей, но при этом рядом с городом, – со сталью в голосе произнёс бывший де-

путат, он, как и любой чиновник, привык отдавать приказы и распоряжения, а не выслушивать критику в адрес своих решений. – Здесь у нас имеется естественная защита в виде воды, высокого забора и малого количества населения в прошлом. Если у тебя есть более приемлемые предложения, куда нам перебраться, то я, так уж и быть, выслушаю, – он повернулся и сверкнул глазами на бывшего редактора.

– Лучшим местом может стать любой загородный объект, – сказала Тамара. – Там людей ещё меньше.

Никто ей не ответил. Между Костиком и Петром Валерьевичем словно ударила молния.

– Лучшим местом, – с расстановкой произнёс Костя, – Станет любой монастырь с высокими стенами. Новодевичий вполне для этого подходит. А самым лучшим местом, если на то пошло, будет Кремль. Но точно не чиновничья дача, где ты, – Костик сделал ударение на этом обращении. – Когда-то мечтал жить.

Ануш поднялась на локте, посмотрела на мужчин. Тамара заметно напряглась. Ромул положил тесак рядом с правой рукой. Фёдорыч сладко всхрапнул и тихо пробормотал что-то невнятное. Монотонно пикнул прибор возле койки одного из людей в коме.

– Возможно, ты и прав, – Пётр Валерьевич чуть смягчил тон, но его глаза блестели, как две звезды смерти. – Завтра вернутся Володя с Мариной, и мы устроим голосование...

– Великая сила демократии, когда один позволяет осталь-

ным что-нибудь решить, – буркнула Тамара.

– ...может быть и действительно лучше перебраться в более подходящее место.

Но на следующий день ни Марина, ни Бандит не вернулись.

* * *

Утром, первым делом, Костик с Ромулом вытащили из дома тела, которые уже начали коченеть. Пётр Валерьевич приказал их сложить за забором, возле проезжей части.

– Позже закопаем, – сказал он.

Костик с Тамарой внимательно осмотрели немаленькую территорию дачи. Как раз за домиком садовника обнаружилась старая деревянная лестница, спрятавшаяся в плюще. Она была прислонена к забору и, судя по виду, о её существовании забыли ещё во времена Ельцина. Костик забрался по её трухлявым ступеням и заглянул на соседский участок. Почти всю территорию занимал теннисный корт. За ним располагился внушительных размеров бассейн, а чуть дальше стоял скромный четырёхэтажный дом, отделанный натуральным камнем. На большом крыльце лежало тело. Непонятно, труп или живой человек. На лужайке вылизывал лапу полосатый кот.

Костя поднялся ещё на несколько ступеней и увидел, что с противоположной стороны забора располагался детский го-

родок с песочницей, двумя красно-жёлтыми машинками и различными качелями. А прямо под забором нашёлся домик, на крыше которого остались грязные следы.

В окне дома мелькнула тень. Костик всмотрелся. Колыхалась занавеска, да только рама закрыта, и ветер этого сделать не мог. Он спустился по лестнице и положил её на землю.

– В общем, – посмотрел на Тамару, терпеливо ожидавшую результаты разведки. – Гости у нас ещё точно будут.

– А может здесь гвоздей насыпать или стекла? – предложила она. – Отобьём охоту...

– Это не выход, – поджал Костя нижнюю губу. – Отсюда надо уезжать. Я не уверен, что это единственное место, через которое к нам пробирались.

Завтракали в тишине. После новостей, поведанных молодыми людьми, прелесть сада показалась ненастоящей, напускной.

– Теперь и мы заразимся, – Фёдорыч дожеввал последний кусок и вытер рот краем скатерти.

– Не понял? – посмотрел на него Пётр Валерьевич.

– Ну, они же с нами, – кивнул на Костика с Томой. – Воздушно-капельный там и прочие дела...

Ануш звонко положила вилку на тарелку и приложила ладони к вискам. Её губы мелко-мелко задрожали. Лицо резко побелело. Все непроизвольно скрестили взгляды на ней.

– Сейчас пройдёт, – прошептала она.

Действительно вскоре к её щекам начала приливать кровь.

Она помассировала височные кости по часовой стрелке.

– Думаю после ночного нападения уже не важно, сидят они за столом или в домике садовника, – Пётр Валерьевич перевёл взгляд на старика. – Если это заразно, то мы заразились.

Фёдорыч не ответил. С кряхтением поднялся из-за стола, взял тарелку и отправился её мыть.

– Теперь у каждого должен быть нож, – сказал бывший депутат. – У каждого! – повторил с такой интонацией, словно кто-то возражал. – В гостиной надо оборудовать пост и дежурство, чтобы...

– Тут в каждое из окон пролезет Годзилла, – хмыкнула Тамара. – Смысл от этого поста?

– Окна ты с Фёдорычем заколотишь, – Пётр Валерьевич посмотрел на Костика. – Прямо сейчас этим и займётесь. В гостиной будем дежурить по очереди. По три часа, например. Последовательно будет такая: сейчас заступает Ануш, затем Костя, после Тома. Ночная смена Ромула. Почти вся, а рано утром его сменит Фёдорыч.

Фельдшер хотела что-то сказать, да поперхнулась. Сильно закашлялась. Костя постучал ей по спине.

– Где мы доски-то здесь найдём?! – старик от удивления выпустил тарелку, и та звонко шмякнулась в мойку. Тонкая струйка воды попала на ободок и начала разбрызгиваться по округе.

– Сейчас пройдёте по окрестным хозяйствам, – сказал

бывший депутат. – Где-нибудь обязательно найдутся. Это ж в конце концов дома, а не квартиры. Кто-нибудь, что-нибудь строил. Баню там или скамейку... Кстати! – резко поднял вверх палец, отчего кожа на его шее неприятно содрогнулась. – Если не найдёте досок, то можно будет разобрать скамейки, как в нашем парке. Думаю, их здесь будет достаточно.

– Понятно, – привычно буркнул Фёдорыч.

– Здесь на углу стоит грузовик в столб врезавшийся, у него в кузове есть доски, – сказал Костя. – Только я не понимаю, зачем всё это если завтра мы отсюда уедем?

Бывший депутат посмотрел на него таким выразительным взглядом, словно Костик серьёзно спросил, для чего нужен писюн.

– Мы проведём голосование, на котором решим, надо ли нам отсюда уезжать, или лучше укрепиться здесь, – сказал Пётр Валерьевич. – Разницу вообще понимаешь? Предложенные тобой места не подходят по многим не очевидным для тебя причинам, поэтому пока будем придерживаться первоначального плана и занимать оборонительную позицию здесь.

Костик выслушал этот небольшой монолог и понял лишь то, что неважно, что именно он предложит. Бывшему чиновнику неприятен сам факт того, что кто-то нижестоящий смеет оспаривать его решения. Редактор нахмурился, сложившаяся ситуация нравилась ему всё меньше и меньше.

– Хорошо, – сказал он. – Может быть, я чего-то и не по-

нимаю. Может быть здесь безопаснее, чем за высокими стенами монастыря или в Кремле. Но ответь мне, пожалуйста, а чем ты будешь заниматься сейчас, пока остальные будут работать? – посмотрел в глаза бывшего депутата.

Пётр Валерьевич, как и любой чиновник, сделал вид, что не заметил неприятного вопроса.

– Давайте, все за дело, – выбрался он из-за стола. – Нам нельзя допустить, чтобы чэпэ, произошедшее этой ночью, повторилось.

– Я задал вопрос, – повысил голос Костя. – Чем будешь заниматься ты, пока остальные будут работать?

В столовой повисла гнетущая тишина. Стало слышно, как в кухне под потолком жужжит муха.

Пётр Валерьевич долго не отвечал, буравил взглядом бывшего редактора. Наконец сквозь зубы процедил:

– Трупы закопаю.

* * *

Когда солнце чуть-чуть перевалило зенит, где-то неподалёку слышались крики. Низкие, утробные, но при этом с отчётливой женской интонацией. Они продолжались минут сорок.

Тамара, заменившая старика на посту в палате, вздрогнула. Она сразу догадалась, что поблизости роженица. Только вряд ли та захочет, чтобы ей помогали.

Фёдорыч с Костиком переглянулись. На вылазку старик вооружился газовым ключом номер три.

– Самый лучший агрегат, – покачал новенький инструмент с такой гордостью, словно сам придумал.

Костик собирался неохотно. Грызло чувство неправильности происходящего. Зачем идти, искать доски, если придет Бандит с Мариной и уже завтра утром они могут сняться и уехать отсюда в другое, более безопасное место. А может быть даже сегодня. Когда поделился этими мыслями с Фёдорычем, тот глубокомысленно произнёс:

– Жираф большой, ему видней!

– Да при чём здесь виднее?! – не понял Костя. – Мы все в равных условиях! Все пытаемся выжить...

– Э-э нет, – Фёдорыч положил газовый ключ на плечо. – Пёс с лошадыю никогда не были в равных условиях. Пойдём, – махнул он.

Над трупами кружились мухи. Появился едва различимый сладковато-приторный душок. Когда проходили мимо, Костя отвернулся в другую сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.